

Разбитое сердце богини

Автор:

[Валерия Вербинина](#)

Разбитое сердце богини

Валерия Вербинина

Татьяна Стрелицкая любила цветы, кукол и одиночество, а оказалась в самой гуще невероятных событий – она стала свидетельницей убийства Алексея Шарлахова и его охраны. Полиция и отец Алексея уверены: это дело рук неуловимого киллера по прозвищу Ангел смерти. Шарлахов одержим мыслью найти убийцу сына и воздать ему по заслугам, но как это сделать, если никто не видел лица Ангела смерти и не знает его имени? А если киллеру станет известно, что есть девушка, которая может его опознать?.. Шарлахов приказал найти Татьяну и привезти к нему в дом. Но его планам заставить преступника выдать себя не суждено было сбыться – после нападения неизвестных Тане пришлось бежать с молодым человеком, приставленным к ней в качестве телохранителя...

Валерия Вербинина

Разбитое сердце богини

Все события, разговоры, персонажи и имена в этом романе вымышлены. Любые совпадения и аналогии с реальными людьми и происшествиями являются случайностью.

Пролог

Закинув руку за голову, он лежал на диване и выстраивал в податливом воображении карту своего личного рая. Это была далеко не первая карта, которую ему пришлось рисовать в мыслях и мечтах. Самая первая, задвинутая теперь в пыльный закуток чердака памяти, походила больше на фото, чем на карту, – черно-белое фото, какие были в ходу в далекие времена его детства, и представляла его, повзрослевшего и непременно в очках, на фоне полок с книгами. На всех корешках красовалась его фамилия, ему было восемь лет, и он мечтал стать писателем. Его завораживали библиотеки, таинственные тома, в которых могли скрываться любые миры, иногда эти миры были чуждыми, чужими и непонятными, а иногда становились дорогими и близкими, куда ближе, чем скучно-убогая реальная жизнь, которой он жил. Все миры, и далекие и близкие, создавали писатели, и они были такие же люди, как все, но в то же время совсем не такие, и он благоговел перед ними, потому что краски их фантазии расцвечивали его существование, такое же черно-белое, как фотографии образца 1984 года. Вскоре он узнал, что писателем можно стать, как другие становятся космонавтом, сталеваром или директором продуктового магазина – самая почетная и завидная должность в советские времена с их извечным рефреном дефицита. Но ему не было дела до того, к чему стремятся другие; он уже сделал свой выбор. В ту пору он читал взахлеб все, что попадалось под руку, и исписывал целые тетради беспомощными раздражательными каракулями. Так продолжалось долго, очень долго, а потом он понял, что настоящий талант – крепость, обнесенная высокой стеной, и он стоит снаружи, у запертых ворот, которые никогда не откроются, сколько ни стучись в них. Потому что любовь жестока и мало любить литературу для того, чтобы она ответила тебе взаимностью.

Это открытие перевернуло его душу, да так, что он едва не сломался, но на помощь, как это обычно и случается, пришел внешний мир, где происходили такие потрясения, рядом с которыми его собственные мечты и его стремления потеряли всякое значение. Несколько лет он потратил на грубую, безжалостную борьбу за существование, а когда наконец достиг кое-какой стабильности, то обнаружил, что контуры его рая стерлись и его надо было создавать заново. Впрочем, на этот раз все было гораздо проще. Он уже понял, что счастье – вовсе не абстрактное понятие, а математическое уравнение, слагаемые в котором каждый для себя выбирает сам. В его личном уравнении присутствовали независимость, деньги, как непременный ее атрибут, и кусок земли в каком-нибудь таком месте, где никогда не падает снег. Мысленно он начертил себе остров, непременно с маяком, море, белый песок и пальмы на берегу. Среди пальм – гамак, над головой квохчут разноцветные попугаи. Теперь карта его рая

походила на цветную открытку, на фото из популярного каталога для туристов – красиво до того, что начинает казаться неправдоподобным. И, как это всегда и бывает, мечта разлетелась вдребезги о реальность. По работе, а пару раз и по собственной инициативе он посетил несколько островов и понял, что на самом большом, на самом благодатном из них начинает вскоре страдать клаустрофобией. Ему становилось тесно в замкнутом пространстве острова, и рай мало-помалу ускользал, смещался за его пределы, пока не доходил до финальной точки, до приговора любому раю – «где угодно, только не здесь». Впрочем, море он любил по-прежнему.

Тогда он создал себе новую карту рая: домик на морском берегу. В саду – два дерева, гранатовое и апельсиновое, и непременно фиолетовый вьюнок, который не раз встречался ему на юге Европы. Никаких попугаев, а вот павлины или фламинго – сколько угодно. Особенно белые павлины, которых он любил за их необычный цвет. В них было что-то от белой вороны, а белой вороной он ощущал себя сам, сколько помнил.

За этот образ рая он держался особенно долго – до тех пор, пока не застрял на целых два месяца в прибрежном городке, выслеживая одного человека. Тогда-то он и открыл, что море, в сущности, скучно, а его шум до отвращения однообразен. Ни павлинов, ни фламинго поблизости не было, зато в изобилии водились чайки с истеричными, крикливыми голосами. Снова его рай рассыпался на глазах – но дом, лиловый вьюнок и два дерева, гранатовое и апельсиновое, остались.

Он пытался пристроить их на скале, потом на берегу озера, заросшего кувшинками, затем возле водопада, но все это было не то. И однажды, находясь проездом в унылом городе, где на унылой казенной площади сверкал и извергал струи восхитительный белый фонтан, он понял, чего именно ему не хватает. Его личный рай должен быть организован вокруг фонтана.

Итак, фонтан, дом, вьюнок, гранатовое дерево, апельсиновое и...

Трень, брень, дребедень. Ожил мобильный телефон.

Человек, вырванный из рая, невольно поморщился, но повернул голову и протянул свободную руку к верещащему аппарату.

– Алло.

Именно так, очень спокойно, без знака восклицания в конце.

– Охотник?

Все так же спокойно:

– Ошиблись номером.

Отбой. Дом и фонтан... сад... деревья... Нет, он снова что-то упустил.

Трень!

А, черт!

– Я уже сказал: вы ошиблись.

– Это Ипполит Шарлахов. Мне дали твой номер, я не мог ошибиться.

Он вспомнил этот голос, едва его собеседник произнес: «Охотник». И еще вспомнил – сразу же, – что не любит этого человека. Никакой особой причины для неприязни не было, но Охотник привык доверять тому, что люди обычно именуют интуицией. Интуиция еще ни разу его не подводила.

Он поборол желание выругаться – любые необдуманные слова могли слишком дорого ему обойтись – и произнес все тем же спокойным, размеренным тоном:

– Если вы по делу, я сейчас очень занят.

Чрезвычайно занят – лежит и мечтает, где будет жить, когда окончательно отойдет от дел. В сущности, он уже отошел, так почему бы и не помечтать?

– Я по делу, да.

Голос дрогнул. Нетипично для Ипполита, машинально отметил про себя строитель рая. Совсем нетипично.

- У меня несчастье, Охотник.

Оп-па. Вот так, с ходу. Не проблема, не сложность, не неприятность, а - несчастье. Против воли он почувствовал проблеск любопытства.

- Ты мне нужен. Я заплачу тебе любые деньги, слышишь?

- Все так говорят, - усмехнулся он.

- Я не только говорю. Я делаю. Называй свою сумму, я ее удвою.

Интересно. Похоже, судьба крепко прижала Ипполита, раз он говорит так.

- Я не могу ничего называть, если не знаю вообще, о чем идет речь, - тихо промолвил человек, вырванный из рая.

- Включи новости. Любой канал.

Он не любил новости. Сколько он помнил себя, любые новости всегда приносили с собой элемент разрушения. От них веяло хаосом, а хаос ему, сочинявшему свой собственный крошечный рай, был сейчас совсем не нужен.

- Включил? - настойчиво спросил Шарлахов.

Он сел, взял пульт, щелкнул кнопками, по-прежнему держа сотовый в другой руке. Даже не прижимая динамик к уху, он слышал, как тяжело в трубку дышит его собеседник.

В сущности, едва он осмыслил картинку на экране телевизора, все стало на свои места.

- Следствие предполагает...

Дальше он слушать не стал.

– Я вам сочувствую, – в трубку.

Ни капли он не сочувствовал Ипполиту Шарлахову, по правде говоря. И вообще, это жизнь. Одним больше, одним меньше. Примерно так.

– Я хочу, чтобы ты нашел того, кто это сделал.

Он усмехнулся.

– Насколько я понял, заказчик уже известен. Все в курсе ваших, э, разногласий с этим... товарищем.

– С этим, – дальше последовали слова, по крепости не уступающие хорошему рому, – я сам разберусь. Мне нужен исполнитель. Ты знаешь, кого он нанял?

Понятия он не имел об этом. И вообще, ему было абсолютно все равно. Много лет Ипполит Шарлахов занимался тем, что создавал проблемы другим, и теперь нашелся кто-то, кто сумел задеть его самого за живое. Недалекие люди обычно именуют это возмездием, не понимая, что возмездие, как правило, – это когда на одного мерзавца находится мерзавец еще больший. Впрочем, еще вопрос, считать ли то, о чем взхлеб вешали с экрана журналисты, возмездием. А Шарлахов меж тем продолжал:

– Если бы я сам мог найти исполнителя, то не стал бы к тебе обращаться. Но это...

Имя упало, как камень. Теперь Охотнику стало интересно по-настоящему. Он понял, зачем Ипполит Шарлахов ему позвонил.

На самом деле это был комплимент его способностям. Тем не менее он сказал:

– Это все детские сказки. Я слышал эту легенду.

– Это не легенда! Что ты мне рассказываешь... Как будто ты новости не видел! Будь ты на моем месте...

Еще этого не хватало. Он улыбнулся.

– Нет такого человека, это почти стопудово кличка, которую присваивает себе то один, то другой... специалист.

– Это он! Его манера, его почерк! Ты про охранников забыл? У моего сына была самая лучшая охрана! И все равно Ангел смог их обойти! Положил их, как кроликов! Как зайцев!

Судя по интонации, Шарлахов совершенно не владел собой. Инстинктивно Охотник слегка отодвинулся от трубки, словно брызги слюны от кричащего собеседника могли долететь до него.

– Он всегда устраивает свои дела так, чтобы не было ни одного свидетеля, – негромко промолвил Охотник. – И это еще не все. В Монако на каждом углу камеры наблюдения, но и там он сумел проскочить незамеченным и застрелить того олигарха, помните?

– Возле казино, – угрюмо подтвердил Шарлахов. – Да, помню.

– Всю полицию Лазурного Берега подняли на ноги, в газетах творилось что-то невообразимое, но стрелка так и не нашли. Просмотрели все камеры – абсолютно ничего, за что можно зацепиться.

– К чему ты клонишь?

– Вам должна быть известна моя репутация, раз вы позвонили именно мне. Ну так вот, я говорю вам откровенно: это будет очень долгое и муторное дело. И результат может быть нулевой, раз у нас ничего нет, кроме клички этого стрелка, который не оставляет ни следов, ни свидетелей.

– Мне известно, что ты можешь достать из-под земли любого, Охотник.

Скорее уж зарыть в нее, мысленно ответил человек, чьей профессией была охота за людьми.

– Но насчет того, что у нас ничего нет, ты заблуждаешься. Есть свидетель, точнее свидетельница.

– В самом деле? – изумился Охотник. – Это меняет дело. Что она сказала?

– Вот тут есть маленькая заковыка. – Он словно воочию увидел, как Шарлахов усмехнулся. – Мы совершенно точно знаем, что свидетельница была, но найти ее не можем. Она сбежала. Никита предлагает объявить большую награду за любые сведения об убийстве моего сына и таким образом ее выманить, но...

– Вы правы, – кивнул Охотник. – Набежит толпа людей, которые на самом деле ничего не видели, и будут выдумывать всякую чепуху. Кроме того, такое объявление насторожит киллера, и вы почти наверняка потеряете своего свидетеля.

– Именно поэтому нам нужен ты, – веско промолвил Шарлахов. – Чтобы найти эту бабу, во-первых, и чтобы найти Ангела Смерти, во-вторых.

Он глубоко вздохнул. Рай все еще маячил где-то рядом, но Охотник уже сознавал, что его обустройство придется отложить до лучших времен.

Еще раз. Последний.

Что может быть лучше, чем завершить свою карьеру поимкой суперубийцы, при одном имени которого вздрагивают даже самые матерые волки?

Поймать Ангела Смерти и отправить его к ангелам. Нелегкое задание, и неизвестно, удастся ли ему, Охотнику, с ним справиться. (А было бы легкое, стало бы совсем неинтересно.)

Миг – и рай обратился в дымчатый полупрозрачный мираж и растаял вдали. Ничего, Охотник еще отстроит его. Потом. После того как разберется с этим самоуверенным мерзавцем.

– Хорошо, – сказал он в трубку. – Я согласен.

Часть I

Глава 1

Судьба стучится в дверь

Ветровое окно брызнуло мелкими осколками. Вновь грянул выстрел, стекло всхлипнуло, вокруг дырки, оставленной пулей, побежали мелкие трещинки, переплетением своим напоминая паутину. И еще раз полыхнуло белым пламенем оружие в руке убийцы, и изнутри на стекло шлепнулся какой-то красный сгусток. Человек, сидевший рядом с водителем, с запозданием пытался достать пистолет, но стрелявший тотчас уловил его движение.

Бах. Бах. Бах.

Те, что находились в машине, больше не двигались. Голова шофера была откинута на спинку сиденья, нижняя челюсть отвисла. Сидящий возле него сполз набок, рука его бессильно упала. Красные сгустки на стекле – теперь их было уже несколько – медленно стекали вниз, оставляя размытый алый след. Шесть стальных пауков закончили плести свою паутину, и часть стекла осыпалась с тихим звоном, похожим на шелест.

Еще несколько человек, убитых и раненных, лежало на ступенях подъезда. Кто-то невнятно стонал, кто-то пытался отползти в сторону. Убийца бегло огляделся, на долю мгновения повернувшись ко мне лицом, вставил новую обойму, подошел и расстрелял в упор тех, кто еще подавал признаки жизни.

...А потом он увидел меня. Это было очень легко, потому что я вдруг оказалась не за деревом, за которым пряталась, а на открытом пространстве, стены домов сами собой отодвинулись, оставив меня одну, совершенно беззащитную. В руках у меня была тяжелая книга, и я уронила ее в лужу.

Убийца нахмурился и сделал шаг ко мне, но в следующее мгновение его ноги приросли к асфальту. Он пытался вырваться, однако асфальт держал его крепко, не давая пошевелиться. Он поднял руку с пистолетом, но тот

неожиданно превратился в черную жижу и растекся в его пальцах.

Вдали густой вой полицейской сирены сверлил воздух, стремительно приближаясь. Через мгновение к ней присоединилась еще одна, и их нестройные голоса слились в заунывном, наводящем оторопь созвучии.

Лицо убийцы исказилось яростью, он отшатнулся и стал отступать, на глазах становясь все меньше и меньше. Мне стало ясно, что отныне я могу его не бояться, однако липкий страх все еще бродил где-то рядом, мешая дышать полной грудью.

Листы раскрытой книги, лежавшей в луже, намokли и свернулись. Мне хотелось увидеть, какая картинка была на покрытой водой странице, но в это мгновение я проснулась.

Солнце заливало мою постель. Квартира окнами выходила на восток, а лишнее тепло промозглой осенью всегда приятно. Я потянулась, зевнула и повернулась на бок. Солнечный луч лег на щеку, приятно лаская кожу.

Встать или подремать еще?

Ну да, чтобы приснился еще один кошмар, мелькнуло в голове.

А вставать тоже не хочется...

А может быть, кошмар больше не приснится? Кто-нибудь когда-нибудь обязательно должен был сказать, что один кошмар никогда не является дважды. Хотя я тут же вспомнила, что этот кошмар навещал меня уже не во второй и даже не в третий раз.

Впрочем, мне уже не хотелось спать. И потом, меня ждала работа.

Вздыхнув, я выбралась из кровати и первым делом задела стопку газет, которая лежала на стуле. Почему на стуле, спросите вы? Потому что на столе она лежать никак не могла. На столе громоздятся обрывки тканей, подушечки с иглами и булавками, распечатки страниц модных журналов столетней давности с фотографиями платьев неземной красоты, наброски выкроек и, самое главное,

куклы. На сегодня кукол было семнадцать, и я как раз собиралась купить восемнадцатую, чтобы сшить для нее наряд – копию платья Жана Пату[1 - Жан Пату (1880–1936) – знаменитый французский модельер, автор моделей сложного кроя, производящих обманчивое впечатление простоты, создатель женского спортивного костюма; много работал с орнаментом и цветом.] 1936 года, целиком состоящего из тончайших полосок шелковой бахромы. Даже в кукольном формате это была вовсе не легкая задача, несмотря на обманчиво простой фасон.

А еще я хотела попробовать сшить медведя и с мыслью – Жан Пату или медведь? – принялась собирать газеты. В основном это были издания, которые принято называть желтыми, развлекательные листки, спекулирующие на злобе дня, муссирующие скандалы, слухи и чрезвычайные происшествия. В глаза били аршинные заголовки: «Пенсионерка вырастила кота-мутанта», «Зарезан сотрудник охранного предприятия», «Гибель Алексея Шарлахова: сведение счетов?».

Надо будет все это выбросить, подумала я и, распрямившись, стукнулась коленом о подлокотник кресла. В этой комнате определено было слишком мало пространства и слишком много мебели. Напротив кровати притулился на тумбочке телевизор не первой молодости в корпусе из черной пластмассы. Слева и справа от него вдоль стен убежали книжные полки с собраниями сочинений, которые лет тридцать-сорок назад все покупали для престижа, но которые никто никогда не читал. У другой стены, надменно повернувшись к полкам сверкающим полированным боком, стояло пианино, тоже родом из советских времен и тоже наверняка сохранившее музыкальную невинность, так как родственница, пустившая меня пожить в этой однокомнатной табакерке в хрущобном доме, была по образованию биологом и не могла отличить до от фа. Вся обстановка принадлежала ей, равно как и горшки с растениями, двумя рядами стоящие на подоконнике. Здесь были фиалки, герань и какие-то необыкновенно толстые мясистые кактусы, топорщившиеся колючками во все стороны и норовившие клюнуть меня всякий раз, как я их поливала. Тут я заметила, что на одном из кактусов расцвел аквамариново-зеленый цветок, и на несколько минут выпала из реальности в область ничем не замутненного восторга. Я мало что понимала в кактусах, но от этого цветка веяло чем-то инопланетным, и его красота являла поразительный контраст с породившим его приземистым, на редкость уродливым растением. Решив, что я непременно должна запечатлеть этот цветок – если не для вечности, то хотя бы лично для себя, – я стала искать фотоаппарат, которым обычно снимала своих кукол в новых платьях. Фотоаппарат я не нашла, зато вторично уронила на пол стопку

газет и к тому же отметила, что в комнате стоит адский холод. Чихая, я включила обогреватель и стала выдвигать один за другим ящики стола. Сбежавший фотоаппарат наконец обнаружился в самом нижнем ящике, среди обрезков разноцветного шифона, и я сумела снять цветущий кактус во всех ракурсах.

– Красавец! – объявила я, рассматривая на дисплее получившиеся кадры. Стоило мне опустить руку, как кактус в знак согласия пребольно куснул меня за палец. Каюсь, но я погрозила строптивому растению кулаком и отправилась в ванную, чистить зубы и вообще приводить себя в порядок.

В зеркале ванной отразилось то же, что и всегда, – неопрятная особа 28 лет от роду с короткими русыми волосами и мелкими чертами лица. Будем откровенны: с виду я не представляю собой абсолютно ничего особенного, так что неудивительно, что цветы моей родственницы меня не слишком жалуют.

А вообще, мне совершенно все равно, что обо мне думают, будь то цветы или люди. Лучше попробую-ка я сегодня сшить медведя. Шить просто кукольные платья мне уже малость поднадоело.

К такому заключению я пришла уже в кухне, открывая дверцу холодильника «ЗИЛ», верх которого был сплошь обклеен переводными картинками. Судя по виду, им было лет тридцать, а то и все сорок. Есть в мире такие места, где время сгущается и застывает, как варенье, и эта крохотная квартирка словно прочно застряла в 80-х, если не в 70-х годах прошлого века. Здесь не было ни пыли, ни следов какой бы то ни было захламленности, и все же от этого жилья веяло удручающей затхлостью. Грустно было думать, что кому-то выпало на долю провести все свое существование между этих четырех стен.

Я достала из холодильника творог, размышляя, где бы мне раздобыть выкройку для игрушечного медведя, но тут тоненько тьякнул звонок.

Входная дверь. Никак соседка дядя Вася опять будет просить на опохмелку? Хотя для него что-то рановато.

Звонок окреп и зажужжал, как попавший в паутину большой сердитый шмель. Чувствовалось, что по ту сторону двери стоит кто-то чрезвычайно настойчивый и он не отстанет от меня, пока я не отворю. А отворять мне как раз не хотелось

совершенно.

Интересно, кто там? Уж точно не дядя Вася: он давит на кнопку несколько раз подряд и вовсе не так энергично, как это сейчас делает незванный гость. Очередные продавцы чего-нибудь, абсолютно мне не нужного, или представители нового религиозного течения, жаждущие обратить меня в их веру, чтобы спасти мою душу и заодно избавиться от излишков денег – или того, что им представляется излишками?

– Откройте, полиция!

Хм, ну по крайней мере хоть что-то оригинальное. Поколебавшись, я поставила творог на стол, на цыпочках приблизилась к окну и осторожно выглянула из-за пожелтевшей тюлевой занавески.

Того, что я увидела, оказалось вполне достаточно. Дверь загрохотала под чьим-то увесистым кулаком. С лестничной клетки до меня донеслись возбужденные голоса.

– Откройте, Татьяна! Мы знаем, что вы здесь!

Ага. Не поленились уже справки навести, значит.

– Я не одета! – завопила я. – Подождите!

За дверью установилась относительная тишина. Звонок захлебнулся и взял перерыв. Кулак тоже оставил свои попытки пробить насквозь несчастную деревяшку.

На мне было шелковое просторное кимоно, как я его называла, хотя по виду это была обычная майка, только до колен. С моей точки зрения, оно никак не подходило для встречи с представителями закона, поэтому я поспешно переоделась в черный джемпер и голубые джинсы. Не забыть бы про паспорт, он в верхнем ящике стола. Вы такая-то? Да. Позвольте документики. Позволяю, куда от вас денешься. С паспортом все ясно. Тут я увидела на столе фотоаппарат и на всякий случай засунула его в нижний ящик, чтобы не мешался. Что еще?

Куклы смотрели на меня фиалковыми, карими, зелеными глазами. Я подумала, что надо бы заодно куда-то убрать и иголки, и обрезки тканей, но времени уже не было. Звонок, очевидно, заскучал и вновь разразился сиплой трелью.

– Иду, иду! – прокричала я, приглаживая волосы на ходу. На долю секунды я задержалась возле зеркала в передней, и то, что я в нем увидела, вполне меня удовлетворило. Не глаз поэта отрадное виденье, но и не баба-яга, где-то посеявшая свою метлу. Внешне я немного смахиваю на гавроша – молодая (все еще!) женщина с мальчишеской стрижкой, но не в этом дурацком стиле унисекс, ни боже мой. Челочка задорно спускается на серые глаза, и я по привычке сдуваю ее, чтобы не мешала. На щеках, между прочим, ямки, и лицо живое – пожалуй, даже слишком живое перед встречей с такими основательными людьми. Побольше скромности во взоре, но не за счет уверенности в себе. В конце концов, к тому, что произошло, я не имею совершенно никакого отношения. Ни при чем. Случайная прохожая. И моей вины тут нет.

И, сделав глубокий вдох, я распахнула дверь.

Глава 2

Незванные посетители

Количество мужчин, столпившихся на моем пороге, могло бы утвердить меня в мысли, что вчера меня избрали королевой красоты, если бы я совершенно точно не знала, что этого не произошло. На лестничной площадке величиной с носовой платок между квартирами 19 и 21 топтались три амбала в полицейской форме, парень в кожаной куртке, сосед дядя Вася с хитрой рожей запойного пьяницы, его необъятная жена с воинственно вздыбившимися усами, другой сосед, кажется, с четвертого этажа – программист с личиком умненькой крыски, – и неизвестно откуда взявшаяся девица с разинутым ртом.

Слегка опешив от такого скопления народа, я растерянно моргнула и, обежав взглядом всех присутствующих, решила, что главный среди них все же – парень в кожанке, засунувший руки глубоко в карманы. Наверное, все дело было в том, как он держался, – словно и типы в полицейской форме, и дядя Вася, и эти обшарпанные стены с нацарапанными на них непотребными надписями

существовали лишь как приложение к нему, приложение обременительное и в высшей степени бесполезное. На вид главному было около сорока лет, но точнее определить его возраст мешали глаза – серые, с чрезвычайно сосредоточенным взглядом. Глазам было лет на сто больше, чем их обладателю, и я сразу же поняла, что он видел в свое время слишком многое, а может, жил слишком плотной, насыщенной жизнью, так что его бытие вместило в себя куда больше, чем выпадает на долю обычного человека. Левую его бровь пересекал косой шрам, который, впрочем, несколько его не уродовал. Лицо у человека со шрамом казалось замкнутым, какое нередко бывает у людей одиноких и слишком поглощенных работой, чтобы обращать внимание на окружающих. Волосы русые, прямой нос, высокий чистый лоб – в общем, их обладатель был далеко не худшим экземпляром из тех, которые могли позвонить в мою дверь этим сентябрьским утром. Но глаза все-таки сбивали с толку. Они были слишком старые, слишком рассудочные, слишком студёные, чтобы по-настоящему располагать к себе.

Как и следовало ожидать, первым взял слово парень в кожаной куртке.

– Вас зовут Татьяна?

– Да.

– А полностью?

– Стрелицкая Татьяна Александровна.

– Вы тут живете?

– Да.

– Снимаете квартиру?

– Конечно, снимает, – прогудела жена дяди Васи, которую вообще-то никто ни о чем не спрашивал. – Известное дело!

– В этой квартире, – сухо сказала я, – живет моя родственница.

- Сухова Надежда Анатольевна?

- Да. Она сейчас уехала и поручила мне присматривать за ее цветами.

- Нет у нее никаких цветов, - пробурчал программист. - Отродясь не водилось.

Девушка, неизвестно откуда взявшаяся, посмотрела на него с обожанием и повисла на его руке. Тоже мне, сладкая парочка.

- Вы что, жили с тетей Надей? - ехидно спросила я у программиста. - Откуда вы знаете, что у нее есть, а чего нет?

Программист pokrылся пятнами, глаза его забегали. Полицейские ухмылялись. Если они уже навели справки о жильцах, им было отлично известно, что моей родственнице немногим менее пятидесяти.

- Можно войти? - спросил человек в кожаной куртке. - Есть разговор. Серьезный.

- По поводу цветочков? - поинтересовалась я.

- Можно сказать и так. - Он повернулся к полицейским, которые переминались с ноги на ногу. - Вы двое остаетесь здесь, а ты можешь войти.

Программист с четвертого насмешливо подмигнул мне. Я подавила сильнейшее желание показать ему язык.

- Ну ты даешь, Танюха! - вскричала усатая жена соседа. - Да что она натворила такого, а? Вроде жила так тихо...

- Ничего я не натворила, - пробурчала я с досадой.

- Ступайте по домам, граждане, - вмешался парень в кожанке и переступил порог. Следом за ним в квартиру вошел один из полицейских - светловолосый, широкий, как шкаф, с тяжелой нижней челюстью и глубоко посаженными глазками.

– Вы следователь? – с любопытством спросила я у человека в кожаной куртке.

– Угу. Авдеев Александр Петрович. – Он предъявил удостоверение. – Прошу любить и жаловать.

Он покосился на крошечную переднюю, бросил беглый взгляд в кухню и вошел в комнату, которая служила мне одновременно спальней, гостиной и библиотекой. Я – за ним. Полицейский шагал за мной, и я чувствовала, как он сопит мне в затылок.

– Куда именно уехала ваша родственница? – спросил Александр, глядя на уставленный куклами стол.

– В Сибирь.

Должно быть, в моем тоне ему почудилось что-то не то, потому что Авдеев быстро вскинул на меня глаза, и на мгновение мне сделалось малость неуютно.

– Я серьезно, – сказал он, интонацией подчеркивая каждое слово.

– Я тоже.

– И зачем же она уехала в Сибирь?

– Нашла какую-то целительницу. Будет лечиться от алкоголизма. Ее сын погиб, несчастный случай, и после этого тетя Надя стала много пить. Он ведь единственный ребенок у нее был. К тому же муж давно ее бросил...

– Сплошные трагедии, – пробурчал безымянный полицейский, плюхаясь в кресло.

– А вы, значит, в ее отсутствие присматриваете за цветочками. – Говоря, Александр снял со стула несколько газет, просмотрел заголовки.

– У нее много растений. Она меня попросила за ними ухаживать, пока ее не будет. Что в этом такого?

– Можно взглянуть на ваш паспорт?

Я выдвинула ящик стола, достала документ с двуглавым орлом, в просторечии именуемым «мутантом». Черт побери, а ведь я родилась в совсем другой стране, той, которая называлась СССР. Герб с колосьями, красный флаг с серпом и молотом, бодрый гимн на последней странице обложки каждой тонкой тетрадки в линейку. Союз нерушимый и так далее. Кто мог подумать тогда, что всему этому так быстро и бесславно придет конец?

– Здесь написано, – заметил Авдеев, листая страницы паспорта, – что вы зарегистрированы во Владимирской области.

– Вы собираетесь меня арестовать за то, что я живу не там, где зарегистрирована? – рассердилась я. – Вам что, делать нечего?

– Зачем куклы? – тоскливо спросил полицейский с кресла. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. – Ты что, ими торгуешь?

– Нет. Делаю для себя.

– Кукол?

– Нет, только платья к ним.

– В смысле?

По-моему, следователь удивился впервые с того момента, как переступил этот порог.

– Ну, беру фото какой-нибудь модели, – начала я рассказывать. – Не современной, современную одежду шить неинтересно. Ворт[2 - Чарлз Фредерик Ворт (1826–1895) – французский модельер английского происхождения, основоположник высокой моды, любимый портной королев, императриц и европейской аристократии; фактически был королем моды второй половины XIX века.] там, к примеру... это девятнадцатый век... Или Жак Дусе[3 - Жак Дусе (1853–1929) – выдающийся французский модельер. Для его работ характерна утонченная женственность, роскошная отделка, мягкие пастельные тона.], или

Мадлен Вионне[4 - Мадлен Вионне (1876–1975) – французская модельерша, мастер так называемого косого кроя, который позволял выявить и подчеркнуть дополнительные достоинства ткани.]... Фотографии тогда были черно-белые, но описания цветов найти можно. Ну, и воссоздаю платья, которые мне нравятся, на куклах.

- Что, прямо так воссоздаете? Во всех деталях?

- Да. Конечно, если на платье нашит жемчуг, вместо него приходится использовать бисер такого же цвета. Ну и редкие ткани... типа шелкового муслина, например, приходится шифоном заменять. Тафта, которая была тогда, тоже не та тафта из полиэстера, которая сейчас продается. Но это все ерунда, самое сложное – вышивка. Вот с ней приходится повозиться. Взять, к примеру, наряд цвета зеленой воды от Вионне, там половина платья покрыта вышивкой.

- Цвета зеленой воды? Это что такое?

- Просто у французов своя система обозначения цветов, они любят каждому оттенку давать точное название. Зеленая вода – это нежный светло-зеленый.

- Вы и французский знаете?

- Только на уровне перевести надписи к фотографиям. Не больше. Да там ничего особенного – кто делал платье, из какого материала, какого оно цвета.

- По-моему, у тебя точно не все дома, – буркнул полицейский.

Я подавила желание сказать ему что-нибудь этакое, о чем позже могла бы пожалеть, и спросила, подпустив в голос язвительности:

- Вы пришли, чтобы о куклах со мной беседовать?

- Нет, конечно. Ты же прессу читаешь. – Александр показал на газеты.

- И что?

- Тут же ясно написано: любой, у кого есть информация для следствия...

– А при чем тут я?

Он подошел к столу, снял с него ворох обрывков батиста и парчи. Под ними обнаружился увесистый том.

– «Кукольная энциклопедия». – Александр повернулся ко мне. – И на суперобложке пятно. Это ты, Татьяна.

– Что – я?

– Это ты была неподалеку и спряталась за дерево, когда убивали Алексея Шарлахова. А потом ты уронила книгу в лужу, когда убегала после убийства. Эту энциклопедию.

– Вы расследуете это дело? – глупо спросила я.

– Нет, он куклы ищет, блин, – ответил за начальника полицейский, злобно сверкнув глазами. – Выставку хочет устроить. Как вспомню, сколько мы тебя искали...

– Спокойно, Серега.

У следователя был ровный, лишенный всяких эмоций голос, которым часто бывают наделены представители власти, знающие цену – и ей, и себе.

– Вряд ли я чем-то смогу вам помочь, – честно сказала я. – Я стояла далеко. И вообще, я так испугалась, что мало что запомнила.

Закурлыкал сотовый. Авдеев сунул руку в карман, взглянул на дисплей, слегка поморщился.

– Да. Слушаю. Понял. Спасибо за информацию.

Отбой.

– Я понимаю, что ты мало что видела. Но тем не менее мы обязаны тебя допросить, как свидетеля. И не здесь, а в управлении.

– Мне придется ехать с вами? – без всякого энтузиазма спросила я.

Постылая табакерка, в которой остановилось время, в то же самое мгновение вдруг нечувствительно обратилась в надежное убежище. Даже так: прибежище от внешнего мира. Книги. Цветы. Куклы. Дело, которое я люблю и которое мне удастся. Воссоздавать косой край Вионне, я вам доложу, не так-то просто. А кружевные мечты Дусе в нежнейших пастельных тонах – это вообще отдельная тема.

Словом, я не хочу никуда отсюда уезжать.

– На пару часов, – сказал следователь. – Потом мы отвезем тебя обратно.

Я подумала, что мне взять с собой. Надо было, конечно, захватить документы и на всякий случай – деньги, если меня все-таки не станут доставлять домой после допроса. Но будь моя воля, я взяла бы одну из своих кукол. Просто чтобы не забыть, что в этом мире есть не только убийства, следователи и свидетели.

Впрочем, если бы я взяла с собой на допрос куклу, меня бы точно признали умалишенной.

подавив вздох, я отыскала глазами бледно-зеленый цветок на кактусе. Мне показалось, что он качнулся, когда я выходила из комнаты, словно желая меня ободрить.

Кое-как я влезла в светло-желтую куртку, надела кроссовки. Очевидно, выражение моего лица было красноречивее некуда, потому что следователь, который уже вышел, аккуратно придержал ладонью дверь, чтобы я ненароком не вздумала захлопнуть ее под носом у моих стражей.

На площадке все еще судачили взбудораженные соседи, которым не давал покоя визит ко мне такого количества стражей порядка.

– Девушка как девушка... Жила тихо, даже странно...

– Да чего там странного, небось занималась чем-нибудь нехорошим, – предположил дядя Вася, широко ухмыльнувшись. – Наркотой, к примеру, торговала. Известное же дело, в тихом омуте...

Я ответила словами, от которых покоровилась бы даже бумага. Один из полицейских скомкал деревянные черты в подобие улыбки, но Авдеев даже бровью не повел.

– Вы, простите, в какой квартире живете? – спросил он у пьяницы. Дядя Вася заморгал глазами.

– Да мы тут, в 19-й, а что?

– Ну и идите туда, – отрезал следователь, – здесь вам делать нечего. Когда понадобится, вас вызовут, не беспокойтесь.

– Ишь ты какой! – фыркнул пьяница. Но стоило человеку в кожаной куртке посмотреть на него своими спокойными серыми глазами, как дядя Вася отшатнулся и боком, боком пополз в свою конуру.

– Ты это, не дерзи им, – бубнила его половина, шедшая вслед за ним, – а то заберут еще, хлопот не оберешься.

Программист, решив, что все интересное уже произошло, стал подниматься по лестнице вместе с девицей, которая преданно держала его за рукав, словно ей досталось невесть какое сокровище.

– Идем, – поторопил меня полицейский по имени Серега, который вместе со следователем был в квартире. Но я сначала тщательно заперла все замки и еще напоследок подергала ручку, чтобы убедиться, что все закрыто.

– Это ненадолго, надеюсь? – спросила я у Александра.

– Я тоже надеюсь, – без всякой улыбки ответил он.

В сопровождении троих стражей и человека в кожаной куртке я вышла из подъезда, возле которого стояли две машины. Я, следователь и полицейский

Сергея, чью фамилию я не удосужилась спросить, сели в одну машину, остальные загрузились во вторую. Мелькнули ясени, синичка на ограде, ворона, копошащаяся в мусорном баке, изъеденном ржавчиной, и машины выехали на магистраль.

Глава 3

Самозванцы

Асфальт шуршал под колесами. Мы со следователем оказались на заднем сиденье, на переднем поместились Серега и водитель. Вторая машина ехала сзади, и я видела, что она не отстает от нас. Мысль о том, что меня сопровождает настоящий эскорт, вызвала у меня невольную улыбку.

Очередной перекресток подмигнул зелеными огнями и остался позади.

– А я думала, вы меня никогда не найдете, – сказала я, когда молчать стало совсем уж невмоготу.

– И зря, – отозвался Авдеев.

В самом деле: почему я была уверена, что меня никому не отыскать? В конце концов, я была свидетелем убийства. Причем убийства громкого – а когда убивают такого человека, как Алексей Шарлахов, ясное дело, что служители закона обязаны проявить расторопность. Даже если заведомо известно, что она ни к чему не приведет.

В моем случае все было предельно просто. Я оказалась на месте преступления и видела лицо убийцы. Но почему-то я не испытывала никакого удовольствия при мысли о своей осведомленности.

Я оторвала взгляд от окна и с удивлением заметила, что полицейский по имени Серега решил совершить стриптиз. Он снял фуражку, скинул форменную куртку.

– Ненавижу ментовское шмотье, – злобно проворчал он.

И тут в моем мозгу молнией полыхнула мысль, что машины, поджидавшие меня у подъезда, были слишком хороши для полиции, что я видела удостоверение человека в кожаной куртке долю секунды и что, наконец, мы ехали слишком долго и давно уже миновали центр города и небезызвестную улицу Петровку.

Я рванулась к дверце, но Александр перехватил мое запястье. Пальцы у него оказались на редкость цепкими, и я поняла, что сопротивление бесполезно.

– Не делай глупостей, – спокойно велел он. – Мы не собираемся причинять тебе вред, понятно?

– Кто вы? – пролепетала я. – И что вам от меня надо?

С переднего сиденья донеслось довольное кудахтанье. Это смеялся лжеполицейский. Перед очередным светофором он изловчился стянуть с ног полицейские брюки, под которыми обнаружились обыкновенные черные штаны.

– Слышь, Охотник, это же умора! Она и впрямь нас за ментов приняла! Правда, когда ты цыкнул на того алкаша, я сам чуть тебе честь не отдал, ей-богу!

– Закрой рот, – велел ему тот, кого величали Охотником. – Можешь нас не бояться, Татьяна. Даю тебе слово, с тобой ничего не случится.

– Вы меня похитили! – взвизгнула я.

– Скажем так: пригласили покататься.

– Я не хочу с вами кататься! Немедленно остановите машину!

– Мы посреди шоссе, – напомнил человек, которого называли Охотником. – Тебе так хочется угодить под машину?

– Это произвол! Выпустите меня!

– «Выпустите, выпустите», – злобно передразнил Серега. – Тебе что, жить надоело?

- При чем тут это?

- При том, - веско ответил Охотник, - что как свидетель ты сейчас очень много стоишь.

- Но я ничего не видела! Почти ничего! Просто там был этот мужик, и он начал стрелять...

- А говоришь, ничего не видела, - поддел меня Серега. - Все ты видела, кукольница хренова.

- Я не кукольница! Я шью кукольные платья, это совсем другое! Кто вы вообще такие? Что вам от меня надо?

- Нас послал Шарлахов, - сказал Охотник.

При этих словах ужас навалился на Танечку Стрелицкую, как могильная плита.

- Как это - послал? - простионала я. - Ведь Шарлахов мертв!

- Я имею в виду Ипполита Сергеевича Шарлахова, отца убитого Алексея, - сухо сказал Охотник.

- Ах, так вы о нем! - И я с облегчением перевожу дух. - А его Ипполит зовут, да?

- Ты что, никогда о нем не слышала?

- Я как-то не очень интересуюсь... Вроде я читала, что у убитого отец влиятельный, но забыла, как его зовут.

Мгновение Охотник изучал меня взглядом, потом улыбнулся:

- Что, шить кукольные платья интереснее, да?

- Намного, - заверила я его, ничуть не покривив душой.

– Деревня, – хмыкнул Серега, который при ближайшем рассмотрении все более и более походил на самого обыкновенного братка из разряда «шестерка на побегушках». – Не слышать об Ипполите, это надо же!

Я могла бы, наверное, ответить, что знать по имени всех бандитов, определившихся в бизнесмены, – слишком много чести, и в каком-нибудь романе слова эти прозвучали бы донельзя героически, но дело в том, что большинство вещей, которые вытворяют герои романов, несовместимы с реальной жизнью. Поэтому я прикусила язык и ничего не сказала. Наша машина и автомобиль сопровождения уже выехали за пределы Москвы.

– Значит, он хочет встретиться со мной? – спросила я у Охотника, который по-прежнему внушал мне больше доверия, чем его спутники. – Ч-чтобы поговорить?

Вероятно, от нервного напряжения я начала заикаться.

– Думаю, да.

Я осмелела.

– А как вы вообще узнали, что я была там? Я хочу сказать, я очень испугалась, когда поняла, что происходит. Ну и... в общем, я сделала все, чтобы меня не нашли. И в полицию звонить не стала, и никому не рассказывала...

– И правильно сделала, – заметил Охотник. – Верь мне, Шарлахов оценит то, что ты не стала открывенничать с полицией.

– Нет, я не об этом. Откуда вы узнали, что я что-то видела? Именно я?

– Над подъездом была камера, – сказал Серега.

– Да? Ну и зачем вы так упорно меня искали, если у вас есть даже запись убийства?

– Камера над подъездом, возле которого расстреляли Алексея и его охрану, не работала, – ответил Охотник. – Работала камера соседнего подъезда, и ты попала именно в ее объектив. Девушка в желтой куртке с пакетом в руке. – Он

выразительно поглядел на мою куртку, и я покраснела.

- Вы нашли меня по куртке? - проворчала я. - Или по пакету?

- Когда киллер удалился, ты уронила пакет, в котором было что-то плоское и довольно тяжелое. На пакете была какая-то надпись. Когда мы обработали изображение, оказалось, что это название хорошо известного книжного магазина. Попутно я обратил внимание на размеры пакета, потому что «Кукольная энциклопедия» - издание специфического формата, больше обычного. Получается, незадолго до стрельбы ты была в книжном и купила там какую-то большую книгу.

- Ох, - только и могла сказать я.

- Мы отправились в магазин. Для начала, конечно, запаслись всеми документами, которые предписывали оказывать нам содействие. В магазине я запросил запись с камер, стоящих возле касс, и стал высматривать девушку в желтой куртке, которая в тот день покупала издание большого формата.

- Ну и что вам это дало? - проворчала я.

- Камеры в книжном лучше, чем камера у подъезда. Вскоре мы точно знали, как именно ты выглядишь и какую книгу ты купила. Над паркингом еще одна камера слежения, но тебя она не видела. Раз ты приехала не на машине, возможно, ты ездила на метро. По данным камер метро я понял, на какой станции ты вышла. Потом наши люди разделились и стали работать с супермаркетами и магазинами в районе этой станции. Раз уж ты где-то живешь, значит, покупаешь еду где-то поблизости. Одна из кассирш в супермаркете тебя запомнила. Дальше пришлось опросить кучу бабушек, которые любят сидеть у своих подъездов и точить лясы. Люди обычно терпеть их не могут, а ведь такая бабушка, которая все примечает и за всеми подглядывает, - первый друг любого сыщика. Несколько бабушек отлично запомнили девушку в желтой куртке. Сказали, ты живешь тихо, ведешь себя прилично и никаких нареканий на тебя нет.

- Понятно. - Я потеряла нос. - А вы сами - сыщик?

На лицо моего собеседника набежало облачко. Очень, очень незаметное облачко, но такая вот я внимательная, что все-таки его почувствовала.

- Нет.

- Бывший сыщик?

- Нет.

- Ну хоть зовут вас Александр Авдеев?

- Нет.

- Как же мне вас звать?

Сергеа ухмыльнулся.

- Можешь звать меня Охотник, - сказал человек, выдававший себя за следователя.

- Это кличка какая-то, - проворчала я.

- Это прозвище.

- И на кого же вы охотитесь? - не без вызова спросила я.

- На ангелов, - спокойно ответил мой собеседник. - Точнее, на одного ангела.

- Ничего не понимаю, - призналась я.

- Вот и хорошо.

Он явно не был расположен что-либо мне объяснять, и я, надувшись, отвернулась. Машина летела как стрела, если в данном случае уместно столь избитое сравнение. Водитель, очевидно довольный тем, что не надо больше изображать стража порядка, включил какую-то музыку и тихо подпевал ей. Тот, кого называли Охотником, сидел, глядя в окно и о чем-то сосредоточенно размышляя. Какой у него отрешенный вид, подумалось мне. Именно

отрешенный, и глаза – ничего не выражающие, ничего не желающие выразить. Даже собственное лицо он ухитрялся носить, как маску, – правда, не самую худшую маску. Не знаю отчего, но мне вдруг стало немного жутко. Наверное, сидящий возле меня почувствовал это, потому что шевельнулся и надел темные очки, за которыми совершенно не было видно его глаз.

– Приехали, – сказал он.

Глава 4

Герцогиня и ее хозяин

Военная база. Просто военная база, и больше ничего!

Я заерзала на сиденье. Честное слово, мне было интересно увидеть, как живет Ипполит Шарлахов, очень богатый, очень могущественный и очень влиятельный гражданин. Подумайте сами: как бы вы развернулись, какое бы жилье себе выбрали, если бы у вас были большие деньги, настоящие деньги?

Лично я не согласна меньше чем на дворец, отделанный разноцветным мрамором. Можно и готический замок, только чтобы он выглядел весело, а не мрачно. На худой конец сойдет что-нибудь в стиле Гауди[5 - Антонио Гауди (1852–1926) – испанский архитектор эпохи модерна. Работал в Барселоне. Построил знаменитую церковь Святого семейства (1884–1926).] или Гимара[6 - Эктор Гимар (1867–1942) – французский архитектор эпохи модерна (самое знаменитое его творение – так называемый замок Беранже в Париже).], фантастическое и фееричное, чтобы все соседи только рты пораскрывали. Впрочем, старомодный мраморный дворец все-таки ближе всего моему сердцу.

Похоже, что Ипполит Шарлахов был человеком, лишенным воображения, или процесс делания денег отнимал у него столько сил, что даже на сколько-нибудь приличные мечты ничего не оставалось. Место, в котором он жил, навевало ассоциации разве что с военной базой, причем с такой, на которой со дня на день ждут новой войны.

Позади остались глухая бетонная стена и первый пост охраны, затем еще одна стена, на вид попроще, с решетчатыми воротами, и второй пост. Охранники были вооружены автоматами и носили бронежилеты, и мне невольно подумалось, что человеку, который окружает себя таким количеством церберов, явно есть чего опасаться.

За второй стеной начинался сад, и вот тут уже проглядывала некая искорка фантазии, потому что цветы были красиво посажены и подобраны таким образом, чтобы радовать глаз. Деревья тоже имелись в некотором количестве, именно таком, чтобы вписываться в пейзаж там, где надо, и не вылезать там, где их не просят. Среди клумб бродила какая-то крупная птица, смахивающая на бесхвостого петуха. Она недовольно покосилась на нашу машину, сердито залопотала, обругав нас на своем птичьем языке, и гордо зашагала прочь.

А вот, наконец, и сам дом.

Увидев его, я ощутила разочарование. Обыкновенный дом в стиле «особняк новорусский», а проще говоря – трехэтажная коробка с окнами и крышей. Было видно, что это дом дорогой, и даже очень дорогой, с претензией, но он был скучен, как этот хмурый, пасмурный день. Особняк, в котором жил Шарлахов, внушал уважение разве что к деньгам его хозяина, но уж никак к архитектурной мысли создателя. Я почти убедила себя в этом, когда заметила, что недавняя птица идет ко мне, волоча по пыли длинный хвост, на который я поначалу не обратила внимания. В нескольких шагах от меня птица замерла и стала рассматривать что-то на земле.

– Чего уставилась – павлинов никогда не видела? – поинтересовался невыносимый Серега.

Нет, не дом, не высоченная стена, охраняющая покой Шарлахова, и не сад с его великолепными цветами наполнили мою душу завистью. Сделал это обыкновенный крикливый павлин, который даже не удосужился распустить свой хвост.

Павлин! В саду! Собственный павлин, и наверняка не один! Сказка «Тысячи и одной ночи»! Какой удачливый мерзавец этот Шарлахов! А за домом еще и бассейн виднеется, причем здоровенный. И вон та машина возле гаражей – не какой-нибудь захудалый «Лексус», а самый натуральный «Ламборджини», белый

как снег. А-а-а! Ну почему, почему у меня нет своего «Ламборджини»? Или хотя бы «Феррари». Любого цвета, не обязательно белого!

Зависть, самая неприкрытая зависть глодала мою душу. Прикинув на глаз стоимость всего увиденного, я стала усиленно соображать, чем таким может заниматься Ипполит Сергеевич Шарлахов, но воображение не могло подсказать мне ничего путного. Наконец я решила, что он взял напрокат у государства пару станков, печатающих дензнаки, для личного пользования, а не то присосался к какому-нибудь нефтяному крану, из которого круглый год текут миллионы долларов.

Павлин и машина были просто изумительны, и, вдоволь налюбовавшись на них, я прониклась невыразимым отвращением к собственной бедности. Мне стало ясно, что в своей затрапезной курточке и джинсах сомнительного происхождения я не слишком смотрюсь на фоне всего этого великолепия. Но тут мне как нельзя кстати вспомнились трупы на ступенях подъезда, шесть дырок в ветровом стекле, и мой восторг несколько поутих. Какой прок в самом немыслимом богатстве, если каждую минуту наслаждение им может оборвать пущенная умелой рукой пуля? Лучше уж быть живой Татьяной Стрелицкой, чем мертвой французской императрицей, коллекционирующей развлечения ради бриллиантовые диадемы.

– Идем, Таня, – позвал меня Охотник, и я двинулась следом за ним. Серега пыхтел сзади, меж тем как наши сопровождающие из второй машины растворились где-то в окружающем пространстве.

Возле входа в дом нас уже ждал человек лет тридцати пяти, одетый в столь безупречный костюм светло-серого цвета, что наверняка вызвал бы приступ зависти у голливудской звезды, если бы таковая вдруг объявилась поблизости. Внешность незнакомца вполне соответствовала костюму: красивое, нагловатое, заплывшее жиром лицо, светлые волосы и косая сажень в плечах. Глаза взирали на мир с безграничной безгливостью.

– Так-так, – проговорил их обладатель нараспев. Он стоял на крыльце, загораживая вход, и держал на отлете руку с сигарой толщиной в ляжку оперной примадонны. На мизинце этой руки красовался широченный золотой перстень-печатка. – Кого я вижу! Неужели это сам Охотник собственной персоной?

– Брось паясничать, Никита, – проговорил Охотник, поднимаясь по ступенькам.

Любитель сигар меж тем уже успел переключиться на меня. Он воткнул в меня взгляд, как нож, и несколькими взмахами рассек до самого основания моего заурядного провинциального существа.

– А это кто? Ну надо же! Ты что, действительно ее нашел?

Вслед за этим он затянулся и преспокойно выпустил дым мне в лицо. Я отшатнулась и едва не слетела с крыльца, но цепкая рука Охотника успела поймать меня за локоть.

– Как видишь, – ответил он на вопрос собеседника, отпуская меня.

– Да ты просто феномен, дружок, – серьезно сказал человек с сигарой. – И что бы мы без тебя делали?

– Ждали бы, когда за вами явится Ангел Смерти, – отозвался Охотник без тени улыбки.

Шутка показалась мне странноватой. Я уже догадалась, что человек с сигарой и мой спутник в кожаной куртке на дух не переносят друг друга, но была против того, чтобы они вымещали на мне свои разногласия. Дым в лицо – это все-таки было чересчур.

Серегу, стоявший за мной, поперхнулся и закашлялся. Впрочем, оказалось, что дело вовсе не в аллергии на сигары.

– Вы бы это, того, – попросил он, и впервые в его голосе прозвенели умоляющие нотки.

– Чего? – сердито спросил Никита. – Не говорили об Ангеле Смерти?

– Не надо шутить на эту тему, – сказал Серега, явно нервничая. – Я ведь тоже того... в списке.

«О чем это они?» – мелькнуло у меня в голове.

– Иногда я думаю, что ты не мой брат, а курица какая-то, – уже с раздражением проговорил Никита. – Ладно, свидетельницу вы нашли, и на том спасибо. Она вспомнила что-нибудь существенное?

– Я не успел с ней поговорить, – ответил Охотник. – Мне позвонили и сказали, что Калиновский тоже напал на след. Пришлось срочно ее увозить.

– Еще этот Калиновский! – Никита скривился. – Ладно, вы хорошо сделали, что привезли ее сюда. – Он повернулся ко мне. – Посмотрим, что у нас тут такое... Могла бы быть получше, ты не находишь? – бросил он в сторону Охотника. Тот молчал, засунув руки в карманы. Губы его были плотно сжаты. Человек с сигарой хмыкнул и обратился ко мне: – Ну здравствуйте, Дуня. Добро пожаловать в наш скромный дом. – И он свободной рукой плавно провел в воздухе, как бы охватывая все то, что нас окружало.

– А это ваш дом? – поинтересовалась я, подпустив в голос побольше яду.

Облачко набежало на пухлое чело. Охотник усмехнулся.

– И, кроме того, – добавила я резким тоном, – я не Дуня, я Татьяна.

– А похожа на Дуню, – отозвался этот недобрый человечиска.

– А ты похож на гондон, который использовали много раз, – огрызнулась я. – Как дела, гондон?

Лицо пухлого стало пепельным, как кончик его сигары.

– Ах ты... – Он подскочил ко мне и сделал попытку то ли замахнуться, то ли схватить меня за горло, но Охотник оказался быстрее и перехватил его руку.

– Извини, Никита, – сказал он спокойно, в то время как пухлый тщетно пытался вырваться, – но я должен доставить свидетеля в целостности и сохранности, так что бросай свои штучки, понял?

Никита злобно сверкнул на него глазами. Охотник выпустил его руку и встал между нами.

- Попробуй вякнуть что-нибудь такое Ипполиту, - бросил мне Никита, - и он тебя в порошок сотрет. Ты ее обыскивал? - спросил он у Охотника.

- Нет, - ответил за Охотника Серега. - Да при ней ничего нет.

- Ты, братец, у нас человек доверчивый, а вдруг она бомбу при себе держит? - ухмыльнулся Никита. - Я же главный телохранитель его светлости, мне надо быть осторожным.

- Какую бомбу, блин? - рассердился Серега. - Она кукольница! Дурью мается и наряды шьет идиотские. Дусе, фрикасе...

- Я так посмотрю, нам повезло со свидетельницей, - хмыкнул Никита. - Ладно, мужики, разоружайтесь. Стволы и холодное оружие - все сюда.

Серега открыл рот.

- Это что за дела! Своим, что ли, уже не доверяют?

- Новое распоряжение, - буркнул Никита, - я только выполняю. Забыл, что ли, кто у нас приказы отдает? Гоните пушки, господа товарищи.

- Бред какой-то, - проворчал Серега. Он достал из-под свитера пистолет и отдал его брату.

- Ничего не поделаешь, - отозвался Никита. - Хозяин боится, и его можно понять. Охотник, тебе что, нужно особое приглашение? Гони сюда ствол!

Мне показалось, что зрачки за черными стеклами полыхнули огнем - но, возможно, это мне только привиделось.

- У меня нет оружия, - холодно ответил человек в кожаной куртке.

– У него нет оружия, – повторил Никита, скорбно качая головой. – Интересно, когда ты в Испании грохнул Воху Семипалатинского, переодевшись работником гольф-клуба, у тебя тоже не было оружия? Он и фамилию сменил, и пластику сделал, и как только не заметал следы – даже его испанская любовница не знала, кто он на самом деле! Но только вот привычкам своим он не изменил, а гольф он очень, очень даже жаловал. Ты его на этом и поймал, да? Признайся, Охотник, дело-то прошлое!

– В гольф играть вредно, – невозмутимо отозвался Охотник. – Правильная игра – это футбол. Или шахматы.

– Правильная игра – это карты, когда у тебя на руках все козыри, – парировал Никита. – Леха!

На его вопль из дверей показался местный терминатор, угрюмый, как колонка некрологов, и тяжелый, как стиль начинающего писателя. В волосах, стриженных ежиком, был виден беловатый рубец – скорее всего, след от скользнувшей по касательной пули. Взгляд терминатора изобличал такую глубину мысли, при виде которой становилось просто не по себе.

– Обыщи их, – коротко приказал Никита, кивком указывая на меня и Охотника.

Леха с некоторым сомнением посмотрел на Охотника, словно раздумывая, не припомнят ли ему этого впоследствии, но приказу подчинился.

– Чисто. – Он повернулся ко мне. – Руки вверх подыми, – басом велел терминатор.

Пришлось повиноваться. Никита стоял, докуривая сигару, и с интересом следил, как Леха очень профессионально обшаривает каждый сантиметр моего тела.

– Грудь не оторви, все-таки силиконовая, да и деньги немалые плочены, – не выдержала я наконец. – Задница тоже не моя, взяла напрокат у Анджелины Джоли, так что поаккуратнее!

Леха укоризненно поглядел на меня из-под низко нависших бровей и предъявил боссу плоды осмотра – проездной на метро, извлеченный из моего кармана, паспорт, ключи и кошелек, не слишком кишачий денежными единицами.

Паспорт заинтересовал Никиту больше всего. Зажав в зубах сигару, он изучил мой документ вдоль и поперек, пока Серега и терминатор переминались на крыльце с ноги на ногу.

– М-м, Стрелицкая... Татьяна Александровна... Ну и фотография!

– У меня тогда длинные волосы были, – раздраженно сказала я, застегивая молнию куртки, которую пришлось расстегнуть в процессе обыска.

– Ни мужа, ни детей, – подвел итог Никита, отдавая мне паспорт. – Что-то ты никому особо не нужна, как я погляжу.

Раньше я полагала, что только женщины способны на такой некрасивый выпад. Никита доказал мне, что я ошибалась. Против моей воли краска бросилась мне в лицо, и я заметила, как Охотник отвел глаза.

– Можешь вести ее к Ипполиту, – милостиво разрешил ему Никита, махнув рукой с сигарой, и снова задымил.

– А мне что делать? – растерялся Серега.

– Отдыхать, умник! Сделал дело, гуляй смело, как говорится. Там и без тебя справятся.

Следует отдать Охотнику должное, он сам распахнул передо мной дверь, и я вошла.

Сначала я отметила про себя, что дом битком набит камерами наблюдения. Они были повсюду – над входом, в холле, в коридорах, которыми мы шли. Похоже, ни один сантиметр жилища Ипполита Шарлахова не оставался без круглосуточного надзора. Потом мне в глаза бросилось изобилие старинных, дорогих и очень красивых вещей, которые попадались буквально на каждом шагу. Судя по всему, Шарлахов был постоянным покупателем на крупнейших мировых аукционах, хотя человек более придирчивый, чем я, не преминул бы заметить, что роскошная мебель, бронза, картины, фарфор, ковры расставлены и развешаны кое-как, без особого вкуса и сознания того, что каждая вещь в этом мире требует соответствующего окружения. В резных шкафах пылились дешевые

книжки в мягких обложках, на мраморном столике стояли грязные стаканы, великолепная шелковая обивка белого кресла в стиле не то Людовика XV, не то Людовика XVI была продрана и зашита наспех. Эту обстановку никак нельзя было спутать с каким-нибудь старинным особняком, где каждый предмет знает свое место и занимает его годами, если не веками. Роскошь, которой окружал себя Шарлахов, носила на себе отпечаток мышления выскочки – купили, дорого заплатили и поставили, толком не зная даже, что со всем этим богатством делать.

Порядочно поблуждав по комнатам, мы с моим спутником в конце концов оказались в одной из гостиных (судя по размеру дома, в нем явно было их несколько). Неизвестный мне человек, который вообразил себя дизайнером, попытался когда-то оформить всю комнату в темно-красных тонах, но у него мало что получилось, – как в басне про лебедя, рака и щуку: замысел тянул в одну сторону, светлая мебель – в другую, ковры тонкого прихотливого рисунка – в третью. Охотник подошел к окну и, держа руки в карманах, смотрел на что-то, что было интересно ему одному. Прошло несколько минут. Никто не шел, и я уже начала откровенно скучать. На стене висели два портрета: одно полотно – добротный портрет дамы Прекрасной эпохи[7 - Прекрасная эпоха – период европейской истории конца девятнадцатого – начала двадцатого века (до Первой мировой войны), характеризующийся изысканностью всех форм искусства.], из тех картин, где все вроде бы на месте и в то же время чего-то остро не хватает. Отвернешься от картины, и сразу же забудешь и лицо модели, и художника. Второй портрет, совершенно не сочетающийся с первым, показался мне работой Гейнсборо[8 - Томас Гейнсборо (1727–1788) – английский живописец.]: из прямоугольной рамы холодно и надменно смотрела герцогиня XVIII века в пудреном парике, недоумевающая, каким ветром ее занесло в эту промозглую Москву.

– Наверное, мне не стоило этого говорить, – выпалила я.

Охотник отодвинулся от окна и посмотрел на меня так, словно только что вспомнил о моем существовании.

– Ты это о чем?

– Да там... этот, как его... Никита. Я его на место поставила. Наверное, не стоило. Он тебе еще это попытается припомнить.

Охотник улыбнулся. Улыбка у него была странная: углы рта слегка растягивались, и верхняя губа задиралась, обнажая зубы. Скорее это была гримаса, чем улыбка.

- Вряд ли. И потом, ты правильно его определила.

- А он в этом доме кто? Охранник?

- Он племянник Ипполита. Возглавляет его службу безопасности.

При словах «служба безопасности» лицо герцогини на портрете стало совсем кислым. Впрочем, это почти наверняка была игра теней – и моего воображения.

- А можно тебя спросить? – осмелела я. – Почему тебя все-таки называют Охотником?

- А почему бы и нет?

- Ты охотишься на людей? А то ты про каких-то ангелов говорил... Ты вроде как любого можешь отыскать, да? Поэтому Ипполит поручил тебе меня найти?

- Ну и зачем спрашиваешь, раз все уже поняла? – проворчал мой собеседник.

- Да, – самодовольно призналась я, – я сообразительная!

Все-таки улыбке – настоящей, открытой – удалось взять приступом его лицо. В уголках глаз обозначились озорные морщинки, черты лица как-то помолодели и смягчились. Я была поражена до глубины души, поняв, что ему на самом деле чуть больше тридцати, а не сорок, как я решила при первой встрече.

- А тебе часто приходилось убивать? – продолжала я. – А то вот Никита упоминал...

- Вздор все это, – холодно ответил Охотник. Мгновенно уголки его губ опустились, он замкнулся и тотчас же постарел. Вновь передо мной был собранный следователь Александр Авдеев с непроницаемым лицом.

Дверь бесшумно растворилась, но вошедший оказался всего-навсего слугой. Его вид и манеры настолько повторяли расхожее представление о типичном английском дворецком, что я ничуть не удивилась, когда вошедший заговорил по-русски с легким акцентом. Он объяснил, что Ипполит Сергеевич задерживается, но скоро будет, и если нам что-нибудь угодно, он, дворецкий, тотчас слетает на метле – пардон, тотчас достанет все, что нам надо.

– Спасибо, нам ничего не нужно, – сказал Охотник. – Мы подождем.

– Сударыня? – на всякий случай повернулся ко мне дворецкий.

Клянусь памятником Пушкину, это был первый раз в моей жизни, когда ко мне обращались подобным образом. Определенно, дом Шарлахова стоил того, чтобы туда попасть.

– Э... м... – в замешательстве пробормотала я. – Спасибо, мне ничего не нужно.

– Если вы вдруг почувствуете надобность в моих услугах...

Господи боже мой, это просто восхитительно – слышать человека, который изъясняется подобным образом! Я словно попала в начало прошлого века. Проклятье, ну почему на мне джемпер и джинсы, а не пенящееся кружевами платье со шлейфом от кудесника Дусе? Я бы тоже могла подать соответствующую реплику! Но в джинсах только и можно, что промямлить нечто нечленораздельное.

Чтобы скрыть, как я переживаю свой позор, я поспешно отступила к книжному шкафу и стала делать вид, что рассматриваю корешки. Сам шкаф был то ли из красного, то ли из розового дерева, но, во всяком случае, не из зеленого, это я могу вам точно сказать.

Слуга удалился так же бесшумно и благовоспитанно, как и вошел, так что у меня поневоле закралось подозрение, что его тут и вовсе не было.

– Терпеть не могу ждать, – вырвалось у меня.

– Та же самая проблема, – со смешком признался Охотник.

В комнате было тепло, почти жарко – разительный контраст с большинством московских домов, в которых еще не затопили. Спohватившись, я сняла куртку и положила ее на стул. Не могу ручаться, что красивый старинный стул не поморщился от подобного соседства; во всяком случае, куртка тотчас свалилась на пол, хотя – как написали бы в старомодном романе – ничто не предвещало ее падения. Я подняла куртку, отряхнула и стала искать глазами, куда бы ее пристроить, но тут передо мной как по мановению волшебной палочки возник вышколенный слуга. От неожиданности я даже отскочила назад. Мне почудилось, что он вот-вот скажет: «Сударыня, казнь точно в шестнадцать ноль-ноль, будьте пунктуальны!»

– Тысячу извинений, – промолвил он уже совершенно другим, небрежным тоном и забрал моего желтенького уродца. И я поняла, что манеры и вышколенность он приберегает лишь для тех, кто ему платит, а с такой, как я, можно и вовсе не церемониться.

Слуга скрылся за дверью – а может статься, и ускользнул в дымоход, настолько стремительным было его исчезновение. Прошло несколько томительных минут, во время которых я с преувеличенным вниманием созерцала книги в шкафу и слушала, как тикают на камине большие антикварные часы с пухлощекиными амурчиками.

– Может, ты хочешь чего-нибудь выпить? – осведомился Охотник.

– Я еще не ела, – обиженно отозвалась я.

Он усмехнулся.

– Да, верно, мы ведь подняли тебя с постели. Извини.

Я вспомнила, что проснулась часам к десяти, а то и к одиннадцати. Люди в таких случаях обычно начинают оправдываться и говорить, что есть, мол, жаворонки, а есть совы. По-моему, лучше не оправдываться совсем, и поэтому я не сказала ничего.

– Я забыл тебя спросить, – сказал Охотник, помолчав. – Где ты работаешь? Я имею в виду, когда не шьешь кукольные платья?

– Нигде. А смысл?

– Что, в работе нет никакого смысла?

– Конечно. Так называемая работа в подавляющем большинстве случаев – это необходимость мириться с дураками и хамами ради денег, которые точно того не стоят. А жизнь-то одна, другой уже не будет, и время, которое тратится на всякую ерунду, уже никогда не вернуть.

– Интересный у тебя взгляд на вещи, – усмехнулся мой собеседник.

– А я вообще интересная, – не моргнув глазом ответила я. По-моему, я имела право так сказать.

Охотник больше не проронил ни слова, и тишина в красной комнате запеклась, как кровь.

– Прощу прощения за то, что опоздал, – и с этими словами через порог неожиданно шагнул хозяин дома.

Глава 5

Явление флибустьера

По виду ему можно было дать лет сорок пять, если не слишком приглядываться. Но в наши дни бизнесмены тщательно следят за собой, так что истинный возраст Ипполита Сергеевича Шарлахова, я думаю, колебался между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами. Лицо худое, ухоженное, даже холеное, зубы безупречные, как у волка, только что съевшего заблудившуюся дурочку Красную Шапочку. Серые глаза со стальным отливом слегка прищурены. Рыжеватые волосы с проседью, узкогубый рот, искривленный в доброжелательной улыбке. Дед Мороз на новогодней елке, да и только. Но сквозь личину Деда Мороза прорывалось какое-то жесткое, напряженное выражение, под глазами пролегли синие круги. Я вспомнила, что несколько дней назад хоронили его сына Алексея – в закрытом гробу, потому что пули стрелявшего разворотили всю голову.

– Это Ипполит Сергеевич, – просто сказал Охотник. – А это – Татьяна.

Улыбка Шарлахова сделалась на добрый дюйм шире. На всякий случай упомяну, что на нем были черный костюм, белая рубашка и строгий галстук. Часы неброские, платиновые, запонки подобраны к ним. Никаких колец у него на руках я не заметила, даже обручальное кольцо отсутствовало. От Шарлахова пахло приятным мужским парфюмом и еще более приятным запахом огромных денег и огромной же власти, только вот мне почему-то сразу захотелось отодвинуться от него подальше. Абсолютно никакого доверия он мне не внушал.

– Значит, Татьяна, да? Татьяна, э...

– Александровна, – пришел на помощь Охотник.

Улыбаясь, Ипполит Сергеевич глядел на Татьяну Александровну, сжавшуюся в комок в его присутствии. Какой Дед Мороз – да это пират, самый настоящий флибустьер, и того, кто осмелится стать ему поперек дороги, он привяжет к самой большой пушке и сам, собственной рукой поднесет к ней горящий фитиль.

– Добрый д-день, – пробормотала я. – Т-то есть утро.

– Вы, главное, не волнуйтесь, Танечка, – задушевно шепнут пират. Наклонился, отставив одну ногу в сторону, взял мою руку (сейчас отрубит ее саблей, в ужасе подумалось мне) и поцеловал ее, негодяй.

Я в совершенном остолбенении оглянулась на Охотника. Он стоял, пряча улыбку. Два моих отражения съежились в его черных очках.

– Мы с вами, Танюша, – продолжал флибустьер, – должны подружиться.

Все ясно, в разговоре со мной он временно спустил черный флаг с белым черепом и скрещенными костями. Я немного приободрилась.

– Видите ли... Я... То есть... Я хочу сказать... Ну, это...

Весь набор глупостей, которых обычному человеку хватило бы на целую неделю, разом сорвался с моего языка.

– Да вы садитесь, садитесь, – сказал Ипполит Сергеевич. Подвел меня к диванчику (кажется, это все-таки Людовик XV) и заставил опуститься на него.

Я села и вцепилась в колени руками. Ничего более путного мне в голову не пришло.

– Ты успел ее допросить? – более резким тоном, чем он говорил со мной, спросил Шарлахов у моего спутника.

– Нет. На нее уже вышел Калиновский, поэтому я решил, что лучше будет привезти ее сюда.

– Сволочь этот Калиновский, – вздохнул Ипполит. – И как он все успевает, а?

– Он мастер своего дела, – ответил Охотник сдержанно, однако в тоне его мелькнуло нечто вроде – нет, не восхищения, но, во всяком случае, уважения.

– Кто такой Калиновский? – вмешалась я. – Я уже не первый раз слышу это имя... а никто мне ничего не объясняет!

– Калиновский – мент, – Ипполит Сергеевич поморщился, словно надкусил гнилую грушу. – Мерзавец, каких свет не видел. Вам с ним лучше не общаться, Танечка.

– А почему он меня ищет?

– Расследует одно дело, – уклончиво ответил пират.

Какое дело? Если это убийство Алексея Шарлахова, почему моих собеседников так насторожила возможность того, что неведомый Калиновский может меня найти?

– Спасибо, Охотник, что нашел свидетеля, – сказал Ипполит Сергеевич. – Мы тут с Танюшей пообщаемся, а ты навести пока Славу. Деньги у него, как

договаривались.

– Хорошо, – отозвался Охотник и удалился бесшумной походкой.

Мне показалось, ему не очень понравилось это упоминание о деньгах при мне, но я не сразу сообразила, что награда ему полагалась за то, что он отыскал меня.

– Я вижу, вы любите книги, – сказал Ипполит Сергеевич. Голос у него был мягкий, приятного тембра. Уютный. Располагающий к себе. Но, бог весть почему, я ему по-прежнему не верила.

– Э... да. – Я заставила себя оторвать взгляд от книжного шкафа и посмотрела пирату в лицо. Интересно, как он выглядит, если его раздеть? Наверняка у него впалая грудь и ноги короткие. Но главное все-таки не это. Главное – боюсь я его? Или все-таки нет?

– Представьте себе, я тоже. С самого детства.

Я не сразу сообразила, что он говорит о книгах.

– В самом деле? – промямлила я.

– Да. А вы, какие книги вы любите?

– Попробуйте угадать, – предложила я в порыве вдохновения.

Ипполит Сергеевич окинул меня задумчивым взглядом, потирая подбородок.

– Любовные романы? – наконец предположил он. Но не слишком уверенно.

– Мимо.

– Неужели детективы?

– Холодно.

- Слава богу, наконец-то мне повстречался человек, который не читает детективы, - с улыбкой заметил пират. - Ну так что же вы читаете? Я заинтригован!

- Книжки об истории моды. И вообще все историческое. - Я улыбнулась ему в лицо. Наверное, улыбка на моих губах дергалась, как в предсмертной агонии.

- Это и в самом деле так интересно?

- Для меня - да.

- Что ж, тогда я вдвойне рад нашему знакомству. - Он вновь улыбнулся. Глаза его следили за мной, не отрываясь. - И хотя вы не любите детективы, нам все же придется найти общий язык. Ведь ситуация, в которую попали мы оба, вполне детективная. - Он говорил нарочито легким тоном, но я понимала, что эта легкость ему нелегко дается. - Совершенно убийство. Вы - свидетель. Я хочу отыскать убийцу и воздать ему по заслугам. И вы можете мне в этом помочь.

Я расцепила руки. Откинулась на спинку дивана и мгновение подумала.

- Наверное, могу. Можно вопрос?

- Пожалуйста. - Глаза пирата слегка сузились.

- Это Гейнсборо? - Я кивнула на портрет герцогини.

- О, да вы знаток, - улыбнулся Шарлахов. - Да, это он.

- Просто в английской живописи очень мало художников, которых стоит знать, - объявила я. - А вторая картина чья?

- Гре... Нет, Грюн. Жюль Грюн[9 - Малоизвестный французский художник.]. Я повесил его в этой комнате, потому что его фамилия тоже начинается на букву Г.

Я вытаращила глаза. Честно говоря, такой принцип размещения картин попался мне впервые.

– По-вашему, полотна плохо сочетаются? – осведомился пират, пристально наблюдая за мной.

Зря я упустила из виду, что мой собеседник не то чтобы читал мысли – нет, просто жизнь в опасности и множество людей, с которыми ему волей-неволей приходилось пересекаться, выработали у него пронизательность выше обычного. Я поторопилась сделать невинное лицо – хоть и отлично понимала, что уж кому-кому, а Татьяне Стрелицкой точно не удастся его провести.

– Меня смущает разница стилей, – сказала я, почти не покривив душой.

– Стиль – последнее, что меня заботит, – отозвался Шарлахов. – Главное для меня...

«Стоимость картины, – мысленно подсказала я. – Но ты, конечно, выразишь это иначе, не так в лоб».

– Чтобы вещь мне нравилась, – закончил мой собеседник. – Вообще я не поклонник Гейнсборо, но меня заинтересовала история изображенной им дамы.

Я оглянулась на герцогиню, которая, казалось, с живейшим интересом слушала наш разговор.

– А какая у нее может быть история?

– Это история человека, у которого было все, – ответил Шарлахов, улыбаясь одними глазами. – Молодость, красота, богатство, любимый муж, который души в ней не чаял, множество поклонников. Высокий титул, наконец, а в те времена это кое-что значило. Да что там кое-что – почти все. Она устраивала приемы, на которые надевала то платья из лепестков роз, то наряды из нитей драгоценных камней... Какие-то умопомрачительные празднества, куда были званы даже не все принцы, и попасть туда считалось великой честью. Особенно она любила одеваться богиней, знаете, на античный манер. – Я открыла было рот, чтобы сказать, что античные боги вообще-то не питали особой склонности к одежде, но

посмотрела на вдохновенное лицо Шарлахова и решила промолчать. – Поэты наперебой посвящали ей поэмы и сонеты, она тратила деньги, не считая... могла позволить себе любые прихоти, любые безумства. Для нее в окрестностях Лондона муж велел построить в рекордные сроки какой-то фантастический замок, и этот замок, по-моему, существует до сих пор. Словом, весь мир был у ее ног.

– То есть ей так казалось.

– Вы чертовски трезво смотрите на вещи, Танечка. Конечно, казалось, и все это было не более чем иллюзия. Поэты писали стихи в надежде на награду, художники рисовали портреты в расчете на славу и гонорар, льстецы льстили, потому что кому-то же надо льстить, ну, и так далее. Как по-вашему, чем это могло закончиться?

– Чем угодно, – пожала я плечами. – К примеру, она постарела, остепенилась, ударились в религию и завела девяносто девять домашних питомцев. Или постарела, но одевалась еще более вызывающе и платила поэтам вдвое больше прежнего, чтобы они ее восхваляли, как раньше. Или родила дюжину детей и стала почтенной матерью семейства, которая уже никому не была интересна. Или...

– У нее был только один сын, – перебил меня Шарлахов. – И она не остепенилась, нет. Просто однажды она встретила свою судьбу, назовем это так. Был он то ли малоизвестный композитор, то ли вообще часовщик. Не слишком молодой, не красавец и к тому же обремененный семьей. Про положение в обществе я вообще молчу... И богиня потеряла голову. Шептались, что этот человек ее приворожил, потому что он обращался с ней возмутительно грубо, но она во всем ему повиновалась и смотрела на него, как преданная собака. Она осыпала его подарками, возила с собой в карете, была готова по его первому знаку сделать что угодно... А между тем поговаривают, что он чуть ли не поколачивал ее. И, несмотря на это, она наотрез отказывалась с ним расстаться. Она бы и замуж за него вышла, но он не желал бросать жену и детей.

– А ее муж? – спросила я. – Вы же говорили, что он ее любил.

– Для него ситуация сложилась невыносимая. Понимаете, он даже не мог вызвать это ничтожество на дуэль. Но, вероятно, у него нашлись советчики, или

он сам догадался, как положить конец этому двусмысленному положению. Словом, в один прекрасный день часовщик вышел из дома и не вернулся. Через пару дней его все-таки нашли, но в неживом виде. Полиция пришла к заключению, что грабители покусились на золотой медальон, подарок нашей богини, и кошелек, а когда законный хозяин оказал сопротивление, просто убили его.

- Грабителей, само собой, так никогда и не нашли.

- Нет, почему же - нашли и даже медальон вернули. Всех повесили, в том числе и перекупщика, у которого обнаружили медальон. Правда, грабители на суде настаивали, что они ни о чем понятия не имеют и никакого медальона в глаза не видели, но...

- Богиня им поверила? Или нет?

- Сложно сказать. Если она и подозревала мужа, он, конечно, категорически все отрицал. Потом, он всегда был готов расшибиться в лепешку, чтобы ей угодить. Однако самое скверное заключается в том, что... Я еще не надоел вам со своей историей?

- Нет-нет. Продолжайте, пожалуйста.

- Словом, часовщика больше не было, и все, казалось, должно было прийти в норму. Однако со смертью этого человека его власть над богиней не кончилась. Начнем с того, что она приказала забальзамировать его тело, положить в гроб с хрустальной крышкой и поставить в церковном склепе. Самой церкви она выделила какие-то сумасшедшие деньги на оформление склепа, и чтобы ее пускали в любое время, когда ей заблагорассудится прийти...

- Готический роман, - пробормотала я.

- Это и была эпоха готических романов, насколько я помню, - отозвался Шарлахов. - Но такое объяснение ничего не объясняет, потому что наша богиня не только навещала дорогого усопшего или приносила ему цветы. Она по-прежнему заказывала ему подарки и украшения, надевала для него самые лучшие платья, часами пропадала в склепе, разговаривая с мертвецом, читала ему вслух новые книги и даже приводила музыкантов, чтобы они для него

играли. В общем, никто не удивился, когда в день Гая Фокса – да, по-моему, именно в этот праздник с фейерверками – церковь отчего-то загорелась и сгорела дотла, включая склеп, где покоился часовщик. Богиня в это время была на каком-то придворном торжестве, которое никак нельзя было пропустить.

– Муж, само собой, в поджоге не участвовал, – заметила я.

– О, что вы, как можно подумать такое? Конечно же, не участвовал, у него было идеальное алиби, потому что он был с богиней. Само собой, втихомолку все говорили о том, что он приказал своим доверенным лицам поджечь церковь, потому что мания его жены стала совсем уж невыносимой.

– А дальше? – спросила я.

– Когда она узнала, что произошло, то ее безучастность всех поразила. Многие решили, что она окончательно избавилась от власти «этого колдуна», как его называли, но не тут-то было. Ночью она ушла из дома, и ее нашли на пепелище, там, где раньше находился склеп. Она копалась в золе и все что-то бормотала себе под нос. Ее вернули домой, но было уже поздно: она сошла с ума. Она прожила еще долго, очень долго, пережила и мужа, и сына, и даже кого-то из внуков и до самой смерти держала возле себя обгоревшую руку часовщика и оплавленный медальон, который нашла на месте пожара. Когда она умерла, руку и медальон похоронили с ней вместе, но ее потомки долго утверждали, что ее неприкаянный дух все еще бродит по комнатам замка и кого-то зовет. Вот такая странная и страшная была у нее судьба, но когда вы видите этот портрет, разве вам может прийти в голову, что у этой прекрасной горделивой дамы будет такой конец?

Я посмотрела на портрет. Холодное надменное лицо, румяные губы, пышный парик, тщательно выписанные тонкие пальцы – ни одного намека на драму, на грядущий душевный надрыв, на безумие и блуждание в бесконечном одиночестве, где ее собеседником было только собственное эхо. Всемогущий рок подстерег ту, которая мнила себя богиней, и нанес удар, от которого она уже не оправилась. Потому что только рок не промахивается никогда.

– А вы хорошая слушательница, Танечка, – неожиданно заметил Шарлахов. – Люди недалекие обычно начинают выпрашивать у меня, во сколько мне обошелся Гейнсборо. Я им даже начало истории о герцогине не успеваю

рассказать.

– Наверное, она могла разминуться со своей судьбой, – пробормотала я, все еще глядя на портрет. – Если бы просто не встретила того человека.

– Философский вопрос – что важнее в нашей жизни, встречи или невстречи? – усмехнулся Шарлахов. – Лично я дорого бы дал, чтобы никогда не пересекаться с... с одним ангелом.

– А сколько вы дали Охотнику за то, чтобы он нашел меня?

– Сто, – не колеблясь, ответил он.

– Сто чего? – спросила я.

– Тысяч долларов, разумеется. Неужели вы могли подумать, что я стану расплачиваться с моими людьми монгольскими тугриками?

В последнем вопросе прозвучала лишь легкая ирония. Человек, менее владеющий собой, наверняка опустился бы до обыкновенной грубости.

– Это справедливо, – согласилась я. – Вполне справедливо.

Флибустьер улыбнулся. Я чувствовала, что мы с ним пойдем друг друга.

– Честно говоря, – собравшись с духом, промолвила я, – мне бы тоже не помешали деньги.

– Я так и думал.

За подобным ответом могло скрываться все что угодно, но я не стала в тот миг вдаваться в подробности.

– Видите ли, – продолжала я, – я не стану притворяться, что я лучше, чем я есть, и произносить длинные тирады о том, что мы живем в материальном мире. По-моему, все это и так очевидно.

– В самом деле, лучше без тирад, – задумчиво кивнул Ипполит Сергеевич. Я машинально отметила про себя, что лицо у него некрасивое, но при этом дьявольски умное. – Сколько вы хотите?

– А сколько вы готовы заплатить? – быстро спросила я. – Дело в том... не поймите меня превратно, но мне почему-то кажется, что вы тот человек, с которым лучше не торговаться. Я не хочу, чтобы у вас осталось впечатление, что я пытаюсь вас... ну... ограбить.

Мгновение он с любопытством смотрел на меня, потирая пальцем правый висок. Потом неожиданно разразился скрипучим смехом.

– Можете даже не думать об этом, – проговорил пират наконец, – ограбить меня вам не удастся. Никогда.

– Так сколько вы мне дадите за те сведения, которые у меня есть? – спросила я.

Смех резко оборвался. Я почти физически ощутила, как напрягся мой собеседник.

– А эти сведения точные? – осведомился Ипполит Сергеевич, буравя меня глубоко посаженными глазами.

– Думаю, да. – Я помедлила. – Дело в том, что я видела его лицо.

Глава 6

Предложение без права отказа

Наступило минутное молчание.

– Вы видели его лицо? – изменившимся тоном проговорил Ипполит Сергеевич.

– Да.

– И сможете опознать его?

– Уверена в этом.

Не сводя с меня глаз, пират рванул узел галстука. На пороге как по мановению волшебной палочки возник все тот же вездесущий слуга.

– Принесите нам выпить, – хриплым голосом распорядился Шарлахов.

– Да, Ипполит Сергеевич. – Нет, судя по акценту, чудо-дворецкий все же не британец. Интересно, где Шарлахову удалось отыскать столь вышколенный экземпляр?

– Все-таки я не зря вас искал, – задумчиво промолвил мой собеседник. – Видите ли, я даже не был до конца уверен, знаете ли вы что-либо сверх того, что знаем мы. – Он оскалился. – Надеюсь, вы меня не обманываете. Алексей был моим любимым сыном, и потеря его для меня большой удар.

Слуга вернулся с серебряным подносом, на котором стояла бутылка вермута и два бокала с изящными, как у балерин, ножками.

– Прошу. – Шарлахов собственноручно наполнил мой бокал, и я смутно сообразила, что это, должно быть, является великой честью, которой удостоивается далеко не каждый.

Интересно, что он думает обо мне на самом деле, этот рыжеватый невысокий пират?

– Вы любите мартини? – спросил он.

– Я разные напитки люблю, – призналась я.

– Например?

– Медок, портвейн, мохито, сидр, кюрасо, херес. И шампанское, само собой.

- Портвейн? - прищурился флибустьер.

- Португальский, само собой, а не ту дешевую бурду, которую продают у нас под его именем. И херес должен быть испанский, а шампанское - из Шампани, как полагается. Сидр, конечно, из Нормандии.

- Когда вы получите триста тысяч долларов, - проговорил Шарлахов, - то сможете себе позволить ванны из шампанского... и вообще любые напитки, какие пожелаете.

Когда я осознала смысл его слов, то едва не выронила бокал прямо на мохнатый ковер у моих ног.

- Ванны - это слишком экзотично, - пробормотала я, - и потом, я совсем не хочу спиться.

- А кто говорит, что вы должны спиться? - пожал плечами Шарлахов. - Спиваются только идиоты, а вы на них не похожи.

- Вы мне льстите, - смутилась я.

- Отнюдь нет. - Лицо его стало жестким. - Я никогда никому не льщу.

Я не знала, что можно на это ответить, и опустила глаза. Триста тысяч долларов! Я получу триста тысяч долларов только за то, что оказалась в нужное время в нужном месте! Сердце мое танцевало от радости - или, что еще более вероятно, вермут, принятый на голодный желудок, уже оказывал свое действие.

- Значит, вы поможете мне опознать Ангела Смерти, - продолжал Шарлахов, испытующе глядя на меня.

Бедная Татьяна Александровна, мирно допивавшая свой бокал, едва не поперхнулась.

- Кого?

– Этого киллера, – пояснил Ипполит Сергеевич, и в глазах его замигали клинки всех пиратов, живших на свете, – зовут Ангелом Смерти. Он никогда не ошибался, никогда не промахивался, и у него никогда не было свидетелей. До последнего случая.

– Никогда н-не было свидетелей... – икнула я. – Простите, но это звучит как роман старушки Агаты.

– И тем не менее это так. – Шарлахов сухо улыбнулся.

Я осторожно поставила бокал на стол и попробовала собраться с мыслями.

– Но если вы знаете, как его зовут, вам не составит труда найти его.

– Мы ничего о нем не знаем, – горько отозвался Ипполит Сергеевич. – Кроме этой паскудной клички.

Лицо его исказилось. Он с силой сдвинул бокал, который держал в руке, и ножка треснула. Осколки бокала упали на ковер.

– Черт, – сказал Шарлахов, брезгливо морщась. По его руке текла кровь.

Слуга выпорхнул (как мне показалось) из книжного шкафа, и осколки исчезли в мгновение ока. Рука хозяина была смазана каким-то новейшим заграничным средством, отчего кровь сразу же перестала течь и царапина затянулась прямо на глазах. Я, возможно, преувеличиваю, но именно такое впечатление у меня осталось.

– Так что с вашей помощью, – сказал Ипполит Сергеевич, когда слуга удалился, – мы наконец поймем этого мерзавца. – Он употребил совсем другое слово, но и оно, похоже, было бессильно передать всю меру охватившей его ненависти. – А вы получите свои триста тысяч. Не правда ли, выгодная сделка?

Свидетель

– Я всего лишь хотела найти кукольную галерею, – сказала я. – Но заблудилась.

– Ясно, – уронил Охотник. – Ну и что было дальше?

Шел второй час пополудни. Ипполит Сергеевич удалился, передав меня в руки Охотника, и тот вновь превратился в следователя Авдеева. Его интересовали все подробности того дня, когда я сделалась свидетельницей убийства.

– В общем, я шла по одной улице, потом по другой и в конце концов оказалась во дворе того дома. Возле подъезда стояли две машины. Обе черные, большие...

Я запнулась, не зная, как их точнее описать. Впрочем, Охотник не нуждался в моих описаниях, он и так прекрасно понимал, о каких именно машинах идет речь.

– Недалеко находились мусорные баки, и в них копошился какой-то бомж. В одной руке он держал большой грязный пакет и вроде как складывал туда свою добычу.

– А охрана?

– Что – охрана?

– Часть охранников Алексея осталась на улице. Они как-то отреагировали на бомжа?

– Никак не отреагировали. Двое человек стояли у двери подъезда, один курил, другой что-то говорил. Двое дожидались в одной из машин.

– Н-да, чего там обращать внимание на безобидного бомжа, – проворчал Охотник, хмурясь. – Что было дальше?

– Я хотела спросить дорогу у кого-нибудь, но вокруг никого не было, кроме этих здоровяков и бомжа. К ним мне обращаться как-то не хотелось. Тогда я просто

двинулась дальше, думая, что на выходе из двора встречу кого-нибудь. И тут...

- С этого момента давай подробнее.

- Я успела сделать всего несколько шагов, когда услышала выстрелы. Рядом было какое-то дерево, и я бросилась за него. Потом я увидела раненых и убитых. Это были люди, которые только что вышли из подъезда, и те двое, что стояли у двери. А стрелял, - я перевела дыхание, - тот самый бомж в драном пальто.

- Скорее всего, в пакете у него было оружие, - буркнул Охотник. - Но как умно придумано! Ангел Смерти в бомжовском прикиде...

Я поежилась.

- Да, ну и прозвище у него... А вы и в самом деле совсем ничего о нем не знаете?

- Никто не знает, кто этот человек на самом деле, - устало ответил Охотник. - Лично я раньше полагал, что это просто устрашающая кличка, которую берет то один, то другой киллер. Типа чтобы больше боялись.

- А теперь вы что думаете?

- Я изучил дела, которые ему приписываются. Есть два-три дела, которые явно ему не принадлежат, то есть его имя все-таки используют. Но остальные дела... - Охотник поморщился. - У него свой особый почерк, и во всех оставшихся преступлениях он прослеживается очень четко.

- Верю вам на слово, - вздохнула я. - Потому что я, извините, ничего не понимаю в киллерских почерках.

- Это просто, - ответил Охотник, - надо только уметь анализировать алгоритм совершения преступления. У этого сукина сына очень хорошая голова, и он почти никогда не повторяется. Человек с воображением, я бы сказал. И конечно, он чрезвычайно опасен.

Надо же, какие мы знаем слова. Алгоритм совершения преступления - каково?

– Тебе известно, что раньше он никогда не оставлял свидетелей? – спросил мой собеседник.

Я позеленела.

– Что, совсем-совсем?

– Ну, строго говоря, он их не убивал, он проворачивал дела так, чтобы свидетелей вообще не было. И до поры до времени это ему удавалось.

– Я думаю, – пробормотала я, – бомж... то есть Ангел просто меня не заметил. Кроме того, у него и так... э... было много работы. Он расстрелял Алексея Шарлахова и его охранников, а потом... – Я поморщилась. – Потом он стал их добивать... то есть тех, кто был только ранен.

– Что было дальше?

– Где-то близко заверещала полицейская сирена. Киллер добил последнюю жертву, сел на мотоцикл и уехал. Мне никогда в жизни не было так страшно. Эта книга... чертова энциклопедия оттягивала мне руки, и от нервного напряжения я ее уронила. Мне все казалось, что он вернется за мной, – смущенно призналась я.

– А потом ты подобрала книгу, выскочила из своего укрытия и побежала со всех ног, – сказал Охотник без всякой улыбки. – Это мы после увидели на записи с камеры наблюдения.

– Вы говорили, что это была камера другого подъезда, – напомнила я. – А почему не работала камера того подъезда, возле которого убили Алексея Шарлахова?

– Она сломалась за день до убийства, и ее так и не успели починить.

– Совпадение?

– Нет. Думаю, камеру вывел из строя сотрудник охранного предприятия, который дежурил внизу в подъезде.

- То есть он пока не признался, что это он?

- Ни в чем он уже не признается, - отмахнулся Охотник. - Его зарезали.

Стоп. Точно, я же читала что-то такое... И перед глазами моими возник заголовок: «Зарезан сотрудник охранного предприятия».

- Получается, это все звенья одной цепи, - подытожила я.

- Ну да. Ангел Смерти или Белозеров, неважно кто, заплатил сотруднику деньги за то, чтобы он вывел из строя камеру. Потом его убили, чтобы он не смог проболтаться. Это элементарно.

- А Белозеров - это кто?

- Тот, кто нанял Ангела Смерти.

- А зачем он это сделал?

- Экая ты, Танюша, любопытная... У него с Шарлаховым война.

- Почему?

- Что - почему?

- Ну, для войны должна быть причина, нет? Почему этот Белозеров воюет с Шарлаховым?

Охотник поморщился.

- Белозерову недавно взорвали машину. В тот момент в машине ехала его дочь. Она и ее муж погибли на месте. Шарлахов пришел в ярость от такого поворота, он вовсе не желал гибели этой девушки, но ничего уже нельзя было исправить. Вначале он пытался убедить Белозерова, что его люди ни при чем, и клялся, что он бы никогда не допустил такого. Однако Белозеров потребовал для расследования Калиновского, дал ему денег... очень много денег.

– Калиновский – это тот, кто пытается меня найти?

– Верно. Короче говоря, Калиновский почти сразу же вышел на людей Шарлахова, что это они стоят за взрывом, и предоставил Белозерову все доказательства. В других обстоятельствах еще можно было бы как-то договориться и откатать все назад, но Белозеров закусил удила.

– А зачем я Калиновскому, если он расследовал гибель дочери Белозерова?

– Вообще-то он занимается всеми громкими убийствами. Алексей Шарлахов – тоже его дело, хотя там он не главный.

– Да? Ну так пусть работает и для начала арестует Белозерова. В чем проблема-то?

Охотник усмехнулся.

– Думаю, если Даниле Калиновскому дать волю, он арестует всех вообще, и меня в том числе. Но у него ничего нет. Он все прекрасно понимает, но сделать ничего не может. Это я тебе под большим секретом рассказываю, как люди Шарлахова облажались и угробили молодую девушку, а Белозеров нанял Ангела Смерти, чтобы в отместку грохнуть Шарлахова и его подручных. Для суда они оба будут честные бизнесмены, а Ангел Смерти – просто нелепое прозвище, под которым действует непонятно кто. Давай лучше рассказывай, что ты запомнила из его внешности.

Прошел еще час. За это время к нам успел присоединиться присланный Ипполитом Сергеевичем специалист-компьютерщик, который с моей помощью должен был составить фоторобот того самого человека, которого (судя по всему, не без оснований) называли Ангелом Смерти. Кроме того, по просьбе Охотника мне доставили завтрак, который вышколенный слуга без особой почтительности именовал ординарным, и уж по этому завтраку я точно определила, что хозяин дома не страдает язвой, потому что повара он держал первоклассного. Салат был просто поэмой, десерт – гимном, напитки – одой. Но завтрак завтраком, а дело делом, и вся поэзия сразу же закончилась, едва Охотник и компьютерщик (откликнувшийся на имя Анатолий) надели на меня с двух сторон. Я, впрочем, уже давно поняла, что без фоторобота нам не обойтись, и, честно говоря, это было едва ли не самой головоломной частью дела. Взять хотя бы вас, например, –

сможете ли вы точно описать прохожего, которого видели на улице час тому назад? Что уж говорить о свидетеле, который все время перестрелки героически проторчал за деревом, боясь высунуть нос?

Однако что Охотник, что Анатолий не желали слушать никаких оправданий. Им нужно было знать точно, как выглядел киллер-бомж. Просто «мужик в драном пальто» их не устраивал категорически, и, пытаясь им помочь, я раз за разом мысленно возвращалась к тем мгновениям, чтобы определить, что именно я видела. И вновь я иду по тротуару, дом справа по моему движению, справа же обе машины, мусорные баки – слева, и расстояние между ними и машинами метров двадцать. Или не двадцать, а все-таки меньше? Люди в машине, люди возле подъезда, и в мусорных баках роется какая-то фигура, выжидая удобный момент, чтобы начать стрельбу...

Но я же видела его лицо, точно видела! Он поднял голову и посмотрел на меня, и я буквально кожей почувствовала этот взгляд...

– Таня, какого стрелок был роста?

– Во что одет?

– Какая обувь на нем была?

– Не было ли у него каких-либо особых примет – шрамов, родинок и прочая?

– Не был ли он левшой?

– Не хромал ли?

– Что ты можешь сказать о его возрасте?

Каждый ответ требовал множества уточнений.

– Значит, на вид ему лет тридцать пять. Ты уверена в этом?

– Ну, то, что ему не двадцать, это точно.

- А как насчет сорока? Может, ему ближе к сорока, чем к тридцати?
- Нет, у меня сложилось впечатление, что ему где-то тридцать три – тридцать четыре года.
- Да? А мне казалось, что только что ему было тридцать пять, – подал голос Анатолий.

Я почувствовала, что начинаю теряться.

- Скажем так: ему от тридцати трех до тридцати пяти. Устраивает?
- А может, от тридцати двух до тридцати шести? – спросил Охотник.
- Вы что, – пробормотала я, – смеетесь надо мной?
- Скажите, – терпеливо проговорил специалист, – на чем конкретно основано ваше мнение о его возрасте?
- Как это – на чем? Я же была там, я его видела!
- Как вы думаете, сколько мне лет?

Я окинула его скептическим взглядом.

- Ну... Лет сорок, я думаю.
- Почему вы так думаете?
- Не знаю, – честно призналась я. – Таково мое личное впечатление. А что, я не права?
- Вообще-то мне тридцать два, – признался авторитет от клавиатуры.
- И что это доказывает? – вызывающе спросила я. Доказывало это только то, что жизнь была не слишком ласкова к этому парню, если он выглядел старше своих

лет.

- А то, что возраст – понятие относительное, только и всего.

- Знаете, – сказала я искренне, – если вы будете так сбивать меня с толку, мы далеко не продвинемся.

Без стука в дверь вошел Ипполит Сергеевич.

- Ну как дела, что-нибудь получается?

- Работаем, – сказал Охотник, не вдаваясь в детали.

- Да, – вздохнула я. – Спасибо за завтрак.

- Не за что, Танечка, вы у меня в гостях, – отвечал галантный флибустьер.

В комнату шаркающей расхлябанной походкой вошел Никита, покосился на меня, на Охотника, на Анатолия, застывшего возле своего ноутбука, и повернулся к хозяину.

- Менты бесятся, – доложил он. – Все телефоны оборвали.

Ипполит Сергеевич удивленно вздернул брови.

- С чего бы это?

- А с того, – ухмыляясь, отозвался Никита, – что Охотник у них свидетеля под самым носом умыкнул. Они кричат, что это похищение и законом запрещено использовать полицейскую форму для таких фокусов.

Ипполит Сергеевич только хмыкнул.

- Что ж они раньше на Танечку выйти не сумели? Сами виноваты. Работать надо лучше, а не взятки кланчить.

– Во-во, – ухмыльнулся Никита, – зато теперь они кипятком ссут, что их обошли на повороте.

– Да? – задумчиво промолвил Ипполит Сергеевич и достал из кармана мобильник. – Надо бы им позвонить.

И позвонил.

Из разговора с высоким полицейским начальником выяснилась масса любопытных вещей. Во-первых, никто меня обманом не увозил, а Ипполит Сергеевич лишь взял меня под свою охрану. Свидетель-то ценный, мало ли что с ним может случиться. Далее, никакой полицейской формы на увозивших меня не было. Очевидцы утверждают обратное?

– Да полно тебе, Семен Семеныч, они же все небось алкаши. Что они там видеть могли?

Семен Семеныч кричал в трубку еще несколько минут, потом, вероятно, выдохся и перешел на нормальный тон.

– Конечно, никто не собирается препятствовать правосудию. Само собой, будем содействовать. Да! Передавайте привет супруге. Всего хорошего, Семен Семеныч!

Убрав телефон в карман, он обругал Семен Семеныча, его ведомство и его подчиненных последними словами. Напоследок он выразил надежду, чтобы капитан Калиновский (новый взрыв ругательств) горел в аду вместе со своей сообразительностью, потому что именно Калиновский (тут уже был взрыв навроде атомного) нашел отпечатки пальцев Сереги, которые неопровержимо доказывали, что к гибели дочери Белозерова причастен Шарлахов и его люди.

– Я давно говорил, – вставил Никита, – что надо его грохнуть!

Вот так запросто, не стесняясь ни авторитета от клавиатуры, ни меня.

– Убить не проблема, – отрезал флибустьер, чье багровое после вспышки ярости лицо мало-помалу возвращалось к своему нормальному оттенку, – вот

воскресить потом проблема. Мало ли что, вдруг понадобится еще, если кое-кто не справится. – Он выразительно покосился на Охотника, и, как бы тот ни владел собой, все равно он слегка переменялся в лице.

– Да этот Калиновский за свои услуги дерет будь здоров! – вскинулся Никита.

– Зато он дело делает, – поставил его на место Ипполит Сергеевич.

– Тоже мне, дело...

– А ты сам виноват! Нечего было посылать этого идиота, твоего братца, ставить бомбу!

Охотник негромко, но чрезвычайно выразительно кашлянул.

– Виноват, заговорились. – Ипполит Сергеевич с чарующей улыбкой обернулся ко мне. – Не обращайтесь внимания, Танечка. Никита, идем! Нечего мешать людям!

Никита злобно сверкнул на нас глазами и вышел следом за своим хозяином.

– Цирк, – вздохнул Анатолий. – Ну что, продолжим?

По поводу одного только роста мы препирались не менее получаса. Я заявила, что Ангел Смерти вымахал где-то под метр восемьдесят, на что последовала саркастическая реплика компьютерщика:

– Ты что, успела измерить его линейкой, пока он дырявил Шарлахова и его людей?

– Нет! – выкрикнула я. – Я же не слепая, в конце концов! Я помню, как он стоял перед машиной, он был вовсе не маленьким! И как легко он вскочил на свой здоровенный мотоцикл...

– Ладно, будь по-твоему, – неожиданно сжалился Анатолий. – Итак, что мы имеем? Мужчина, возраст – тридцать три – тридцать пять или около того. Телосложение обыкновенное. Правша, потому что держал оружие в правой руке.

– Наверное, он сделал это для отвода глаз, а так он стреляет левой ногой, – ехидно предположила я.

– Да нет, – серьезно отозвался Охотник, – то, что этот парень правша, уже давно известно. Еще с тех пор, как он прикончил Тетерева.

– Кого? – Я решила, что ослышалась.

– Я же говорю – Тетерева. Был такой товарищ, подмявший под себя в 90-е золотодобывающую промышленность. Классическая ошибка – не захотел делиться, и его заказали. Но охрана у него была на уровне, раза три на него покушались, смогли только шофера убить, а ему все нипочем. Он еще хвастался, что его под силу одолеть только одному Ангелу Смерти, больше никому. Тогда наняли этого парня, он в то время был безымянным. Обыкновенный исполнитель, каких в те годы насчитывались сотни, если не тысячи.

– И что? – с любопытством спросила я.

– Да ничего, просто остались от Тетерева одни перья. Прихлопнули его, вот и все. Застрелили в бане, где он с девочками развлекался, причем стреляли чуть ли не в упор. И никто ничего не видел, никто ничего не заметил подозрительного.

– Это уже у Честертона описано, – фыркнула я. – Человек, на которого никто не обращает внимания. Наверняка рядовой работник бани какой-нибудь, то есть киллер, переодетый рядовым работником. А кого еще этот Ангел на тот свет спровадил?

– Многих. Глушилов, Ведерников, Райко, Соболевич. Это только те, которые точно установлены. Все крутые люди, не скупившиеся на охрану. Но если кого заказывали Ангелу Смерти, все – можно было писать завещание и покупать гроб на распродаже. Кстати, с Соболевичем вышла совсем смешная история. Он нанял Ангела Смерти замочить конкурента, а когда тот сделал работу, не пожелал платить, и более того – послал своих людей убить исполнителя.

– Чтобы тот не мог проболтаться? – предположила я.

– Да нет, из чистой жадности, я думаю. В общем, тех, кого он послал за Ангелом Смерти, вскоре выловили из Яузы, но Соболевич так об этом и не узнал, потому что ему закатали пулю между глаз. Точь-в-точь как тому, кого он заказывал. И никакая охрана не помогла, а уж люди его над ним тряслись, даже в туалете его одного не оставляли. Вот так.

– Мы будем обсуждать биографию Ангела или продолжим работать с его лицом? – подал голос компьютерщик. – Если ты решил рассказывать обо всех, кого он замочил, то до ночи не закончишь.

– Всегда надо знать, на кого ты охотишься, – серьезно ответил Охотник. – А еще был случай со старинными часами, которые любил заводить один товарищ, так Ангел ухитрился туда бомбу подложить.

– Хорошо, что у меня нет старинных часов, – объявила я.

– Таня, как всегда, само здравомыслие, – улыбнулся Охотник. – Ладно, с ростом мы разобрались, теперь давай займемся лицом.

И мы занялись. Честное слово, я никогда не подозревала, что существует столько подробностей, при помощи которых можно исчерпывающе описать человеческую физиономию. Форма лица общая. Костная структура: скулы, форма подбородка, форма челюстей. Лоб. Глаза. Волосы. А расстояние между глазами? А их положение относительно глазниц – глубоко посаженные, навывкате, нормальные? А нос, которому Анатолий придавал такое значение, словно его очертания решали судьбу вселенной?

– Нос как нос. Никакой, в общем.

– Не греческий?

– Это еще что? – подозрительно осведомилась я.

– Греческий нос, – снисходительно пояснил компьютерщик, – это прямой нос с небольшой горбинкой.

– Я всегда думала, – проворчала я, – что это орлиный нос. Разве нет?

- Нет, орлиный – это тонкий и крючковатый.

- Ага, – безнадежно сказала я, чувствуя в ладонях непреодолимый зуд, а в душе – желание вцепиться этими ладонями в глотку собеседнику и не отпускать его, пока он не перестанет изводить меня разговорами про носы и все остальное.

- Значит, нос обычный? – вновь спросил Анатолий.

- Да! Нос, и больше ничего!

- Веснушки? – поинтересовался Охотник.

- Нет-нет.

- А ноздри какие, не помнишь случаем?

Часа в четыре доставили обед. Специалист подправил кое-какие штрихи и распечатал первый вариант.

- Вот, Татьяна, смотрите. Если что придет в голову – говорите.

И я стала смотреть. Это был уже не схематический рисунок, но еще и не фотография. И все же мне было ясно, что заветная цель уже близка.

Глава 8

Совещание

- Итак, волосы – светло-русые, нос обычный, глаза – Таня их не видела, что вполне логично, учитывая, на каком расстоянии она находилась. Исходя из того, что волосы светлые, глаза, скорее всего, серые. Брови низкие, прямые, уши плотно прижаты к голове, небольшие. Особых примет нет. Одним словом, – Охотник сделал выразительную паузу, – перед нами человек из толпы.

Я примостилась в углу, время от времени тихо икая в ладонь. За обедом подали какую-то необыкновенно острую рыбу, и теперь, похоже, она решила совершить у меня в желудке кругосветное плавание. Я успела выпить чуть ли не литр воды, но икота не прекращалась, и оттого я чувствовала себя совершенно по-идиотски. Общество, собравшееся в гостиной цвета запекшейся крови, только усугубляло мою неловкость. Здесь был старый пират Ипполит Сергеевич, заинтересованно вскинувший бровь и поглаживающий пальцем висок, его сын – Владислав Ипполитович, лысеющий блондин с умными голубыми глазами, и уже хорошо знакомый мне Никита, откликнувшийся на фамилию Боголюбов. Также присутствовал плешивый, одышливый человек с жабым ртом – депутат Лосев, близкий друг Шарлахова, постоянно вытиравший с лица капли пота. Лосев прибыл на совещание последним и долго и возмущенно пыхтел, что его оторвали от важного дела, что у него заседание, что он обещал быть в совсем другом месте, что его заставляют впустую тратить драгоценное время, и так далее в том же духе. Он сотрясал воздух до тех пор, пока Ипполит Шарлахов открытым текстом не велел ему умолкнуть, и лишь тогда обиженно затих.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Жан Пату (1880–1936) – знаменитый французский модельер, автор моделей сложного кроя, производящих обманчивое впечатление простоты, создатель женского спортивного костюма; много работал с орнаментом и цветом.

2

Чарлз Фредерик Ворт (1826–1895) – французский модельер английского происхождения, основоположник высокой моды, любимый портной королев, императриц и европейской аристократии; фактически был королем моды второй половины XIX века.

3

Жак Дусе (1853–1929) – выдающийся французский модельер. Для его работ характерна утонченная женственность, роскошная отделка, мягкие пастельные тона.

4

Мадлен Вионне (1876–1975) – французская модельерша, мастер так называемого косого кроя, который позволял выявить и подчеркнуть дополнительные достоинства ткани.

5

Антонио Гауди (1852–1926) – испанский архитектор эпохи модерна. Работал в Барселоне. Построил знаменитую церковь Святого семейства (1884–1926).

6

Эктор Гимар (1867–1942) – французский архитектор эпохи модерна (самое знаменитое его творение – так называемый замок Беранже в Париже).

7

Прекрасная эпоха – период европейской истории конца девятнадцатого – начала двадцатого века (до Первой мировой войны), характеризующийся изысканностью всех форм искусства.

8

Томас Гейнсборо (1727–1788) – английский живописец.

9

Малоизвестный французский художник.

Купить: https://tellnovel.com/ru/verbinina_valeriya/razbitoe-serdce-bogini

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)